

лино
тур

последнее
обещание
пльща

Лина Мур

Последнее обещание плюща

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63698801

ISBN 9785005309105

Аннотация

«Санни-Хиллс» – это место, где я родилась. И место, где я всё потеряла. Но у каждого должен быть второй шанс. Я решила его использовать. Вкупе с семейными проблемами я встретила идеального мужчину. Он открыл для меня новый мир, только этот мужчина мёртв. И теперь мне нужно узнать правду. У меня сотня вопросов, а все ответы таятся в прекрасном и ужасающем месте, покрытом вечно зелёным и бессмертным плющом, где всегда меня ждал призрак моего прошлого.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	28
Глава 3	41
Глава 4	55
Глава 5	73
Глава 6	84
Глава 7	97
Глава 8	111
Глава 9	125
Глава 10	141
Глава 11	153
Глава 12	166
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Последнее обещание плюща

Лина Мур

© Лина Мур, 2023

ISBN 978-5-0053-0910-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Жизнь довольно непредсказуемая штука, а жизнь после смерти, вообще, миф. И я, как врач, прекрасно знаю об этом. Я вижу смерть чуть ли не каждый день, я с ней здороваюсь и прощаюсь, я с ней на «ты». И при каждой встрече она забирает у меня что-то, о чём я даже не подозреваю. Она сильна и в то же время слаба, потому что на живое у неё нет права. Но, а как быть, если ты в её власти? Она отметила тебя и хочет познакомиться поближе, она слишком часто навещает тебя, тем самым словно показывая будущее.

Врачи – скептики. Они живут от волнообразной с периодическими пиками линии до прямой полоски. Они не придают особого значения знамениям, которые проносятся мимо них. Они слишком устают морально, чтобы защищать себя. А смерть довольно интересный собеседник. Она молчалива, на удивление, и в этом её прелесть. Если кто-то находился рядом с человеком, издающим последний вздох, то наблюдал за тем, как на этот миг мир замирал. Это доля секунды, которую сложно уловить, но я вот видел. Не раз замечал, как пациент вдыхает полной грудью и происходит заминка. В ней разряжается воздух, а потом снова всё возвращается в норму. Вероятно, не должен был, но заметил, и как стрелки часов застыли, а затем вновь пробили полночь. Я тоже посчитал это просто случайностью. Жаль, что живые зачастую

слепы и не могут предугадать своей последней минуты.

Вот и я, как оказалось, не смог.

Всё началось давно, слишком давно, чтобы точно я мог сказать – как так получилось, что я мёртв. У меня была потрясающая жизнь. Я был энергичным, весёлым и любимым. Я стоял у алтаря и не мог нарадоваться тому, что вот-вот эта прекрасная девушка в белом платье, которую ведут ко мне, станет моей навсегда. Я помню звон бокалов и напутственные тосты родителей и друзей, смех и танцы. Я наслаждался океанским побережьем и мечтал о будущем. Я смотрел на звёзды и загадывал желание на падающую звезду. Я любил жизнь. Я помню, как с гордостью ввёл свою жену в наш новый дом и кружил её в ещё пустой гостиной. Я помню, как таскал коробки после смены в больнице и чувствовал усталость, но один взгляд на улыбку жены, и я находил силы не спать сутками, только бы она была счастлива. Я помню...

Я помню ночь. Нашу большую кровать с белоснежными хлопковыми простынями, куда я бежал каждый раз после работы, чтобы обнять жену. Я помню, как мы её выбирали. Это был замечательный день. И я помню ту ночь. Жену, лежащую рядом со мной на кровати. Я помню, что мне захотелось открыть глаза, словно я выспался, хотя было ещё очень темно. Помню, как жена смотрела на меня распахнутыми от ужаса глазами и прошептала: *«Уходи. Покойся с миром»*. Я помню её крик. Я помню, как она вскочила и бежала от меня, а я за ней, пытаясь убедить её, что ей просто приснился кош-

мар. Я здесь... Я помню предательство моего брата. Старшего брата, женившегося на ней через несколько месяцев после моей смерти. Это я понял по снимкам, стоящим на тех же местах на камине в моём бывшем кабинете, где раньше располагались наши свадебные кадры. Я запомнил её крик, выражение её перекошенного от страха, когда-то для меня красивого, лица и объяснения причин её состояния. Она говорила своему новому мужу, что видела мой призрак, не простивший её предательство. Она указывала на меня пальцем и вопила, а затем упала в обморок от переизбытка чувств. Я помню, как узнал, что умер.

Самое страшное для меня – ничего не понимать и не чувствовать. словно я смотрел фильм со стороны и не принимал в нём участия, но так хотел. Размахивал руками, кричал, прыгал, но ничего не менялось. Ни у кого не было такой же реакции на моё появление, как у моей жены. Ещё я всё слышал. Слышал о том, что умер я три года назад от выстрела в висок. Слышал о том, как она просила меня не преследовать её и убираться из моего же дома, который я купил на все свои деньги, чтобы порадовать её и начать наше совместное будущее. Я слышал плющ, шуршащий на холодном ночном ветру. Я слышал недоумение брата и его убеждающие мою жену слова о том, что она слишком впечатлительна из-за беременности. И я помнил, что она просила меня подождать с детьми, ведь мы так молоды, всё это успеется. Она не готова к ним. Да и я постоянно был на дежурствах в больнице.

Подождать надо было не меньше пяти лет. Но она не ждала пять лет без меня. Она носила ребёнка от другого мужчины через три года, ей не нужно было время, чтобы жить без меня. Наверное, именно это и заставило меня разозлиться. Обидно, как и любому другому человеку, что ты здесь, наблюдаешь за всем и слышишь ужасающие признания. Моя злость и ярость перевернули весь дом, разломали картины и рамки с их фотографиями, и мне удалось написать послание краской, которую они купили для детской: «**Виновны**».

Мне было страшно, очень страшно осознавать, что я умер. Я не живой, и никто меня не видит, кроме жены. Меня перенесли к своей могиле с засохшими цветами на ней. Мою могилу забросили и давно никто не приходил прибраться на ней. Меня даже уже не помнили. Затем я вернулся обратно в дом и обезумел от боли. Хотя моё сердце не стучало, но боль я чувствовал. Она была уничтожающей всю мою жизнь, мою любовь, моё счастье, меня. Я сходил с ума в тишине и одиночестве, поэтому пугал их, преследовал и требовал, чтобы они приняли тот факт, что я до сих пор здесь. Самое отвратительное для меня было – не иметь шанса преследовать брата и **МОЮ** жену, которую он украл у меня. Они сбежали. Я не мог выйти за пределы города, меня возвращало в дом, хотя я пытался очень много раз последовать за ними, найти их. Я знал, что они спрятались в родительском летнем домике в другом штате, так легко тоже забывших обо мне. Тщетные попытки. Злость копилась, превращая меня

в разъярённый поток воздуха, летающий по городу и ломающий ветки деревьев, обрушивая их на дома. А потом мне хотелось плакать. Плакать, как мальчишке, ведь я не помнил, как так получилось, что я вернулся призраком, в которого никогда не верил. Да, сгусток энергии, имеющий прошлую внешнюю оболочку, сотворённую по памяти. И объяснений никто мне не мог дать. Никто. А я кричал. Каждый день кричал и просил проходящих мимо людей о помощи. Я падал на колени, умоляя их помочь мне. Одна тишина в ответ. Порой я даже не различал лиц людей, они как будто все были похожи друг на друга. Мне казалось, что это ад, один из кругов, где я должен раскаяться за самоубийство. А затем наступили холод и пустота. Я не в силах был понять, что от меня хотят и почему именно я стал вот таким через три года после своей смерти. Не сразу, а через некоторое время. Зачем? Почему я так мучился? За что? Я был хорошим человеком. Добрым. Отзывчивым. Любящим. Открытым. Мужем. Другом. Сыном. Братом. Кузеном. Живым.

Моя жизнь, хотя можно ли это назвать жизнью, перевернулась снова. Я потерял надежду, что что-то изменится. Непонимание, страх, боль от предательства и обмана терзали меня внутри. Я опустился на край фонтана, безынтересно глядя на проходящих мимо людей. Уже ни о чём их не просил. Это было бессмысленно. И вот в этот момент ко мне подошла *она*. Ребёнок трёх-четырёх лет с виду или около того со смешными заколками на тёмных кудрявых хвостиках.

Она протянула мне конфетку в яркой упаковке и улыбалась. *Она* видела меня. *Она* чувствовала меня, а я смотрел в её доверчивые зелёные глаза и принял её за такую же, как я. Мне стало так грустно, что *она* тоже в аду, как и я. Её буйные каштановые кудри разлетались от порывов ветра, который создавал я из-за паники от невинного действия и конфетки, упавшей на землю от силы стихии. А *она* улыбалась мне и хихикала, показывая маленьким пальчиком на золотые листья, кружащиеся вокруг нас. *Она* хлопала и прыгала на месте, отчего её красное платье в цветочек вздымалось вверх. И я первый раз улыбнулся. *Она* была такой искренней. Не боялась меня. Не отшатывалась, а просто радовалась тому, что *она* не одна.

– Мужчины не плачут, – сказала она. Я дотронулся до своей щеки и ощутил влагу. Господи, я ведь труп. Я не имею слёзных желёз. Я врач и уж точно у такого, как я, мёртвого и наказанного за что-то призрака не могло быть слёз. Они были.

– Мужчины должны быть сильными. Так говорит папочка, – добавила девочка и, наклонившись, подняла угощение, вновь протянув мне. Ребёнок, просто невинный ребёнок, не видел во мне зло и ярость, как моя жена, да я и не испытывал сейчас этих эмоций. Лишь умиление и удивление. А её голос был чётким, звонким и похожим на перелив колокольчиков на парадной двери моего пристанища-дома, и я его понимал точно, словно со мной говорит взрослый чело-

век.

Я протянул руку, чтобы коснуться её кудряшек, но мои пальцы становились прозрачными каждый раз, когда я пытался дёрнуть её за волосы. Я просто не мог дотронуться до неё. Это ужасало меня сильнее, а вот девочка не боялась. Она была живой. Она рассматривала меня с невероятным интересом и смеялась.

– Ты... ты видишь меня? – Прошептал я.

Она быстро закивала и, сделав шаг к фонтану, положила конфету рядом со мной. Она перегнулась через небольшой бортик и поиграла маленькими пальчиками в воде, радуясь яркому солнцу и тому, как лучи играют на брызгах. Я только мог наблюдать за ней, ведь до этого меня никто не видел, кроме жены.

В этот же момент я ощутил ветер, а затем понял, что его создала женщина, подлетевшая к нам и схватившая за талию ребёнка. Она потрясла девочку несколько раз, а затем крепко обняла со слезами на глазах.

– Ты что делаешь? Я же сказала, не убегать от меня! Нельзя! Слышала? Нельзя! Ты могла утонуть! – Она закричала на девочку. В зелёных глазах ребёнка скопились слёзы обиды.

– Монетка... я хотела достать монетку для дяди. Ему нужны одежда и еда. Он очень голодный и грустный, – прошептал ребёнок.

– Какая монетка, милая? К тебе кто-то приставал? – Жен-

щина испуганно обернулась, и её взгляд прошёл сквозь меня.

– Дяде холодно... мама, ему очень холодно. Его надо согреть. Его никто не любит, а я буду любить, – малышка подняла руку, указав на меня.

Никто не любит.

Это врезалось в мою голову.

– Доченька, там никого нет. Хватит выдумывать глупости. Пошли. Нам нужно идти...

– Нет, мама, дядю нельзя оставлять! Я обещала ему не бросать его! Мама! Ему...

– Всё, пошли! Нет там никого! Никакого дяди! А если и будет, то ты никогда, слышала? Никогда больше не подходи к ним, да и, вообще, не убегай от меня. Господи, ты меня так в могилу сведёшь, – женщина схватила бедного ребёнка грубо за руку и потащила за собой. Я слышал плач и видел, как ребёнок тянул ко мне свои руки. Она плакала, кричала, что дяде холодно. И мне было очень холодно и страшно.

– Подождите... стойте... – подскочив на ноги, я быстро пошёл за ними.

Я проходил сквозь людей. Я просто входил в них и выходил, не чувствуя ничего, кроме настоящего холода. Раньше подобного со мной не было. Хотя и не умирал я, чтобы уверенно сравнивать свои эмоции. Но я встретил ребёнка, который увидел меня, и отпускать я его не собирался.

Я не успел. Я потерял их из виду. Женщина с ребёнком исчезли, оставив меня одного.

Конфета так и осталась лежать на мраморном ободке фонтана. Холодно... мне холодно, и раньше тоже было холодно, наверное. Но, когда девочка была рядом, что-то менялось.

Его надо согреть. Его никто не любит.

Она была чертовски права! Мне холодно и одиноко. Меня никто не любил, раз так легко предали, а я жил во лжи столько лет. Малышка быстро угадала все мои тайны, и она видела меня! Призрака!

Я должен найти этого ребёнка. И я рад тому, что заточён в тиски этого города. Она живёт здесь, а у меня полно времени, чтобы узнать, что случилось и почему только она и моя жена меня видят. Уж точно, если мне не дают нормально умереть, то я не оставлю в покое предателей. Они вернуться сюда. Когда-нибудь вернуться, а я их буду ждать. Мою изменщицу жену и козла брата, которые забыли о верности. Я буду мстить, но сначала найду девочку, чтобы передать им новое послание: *«Я не уйду. Я добьюсь справедливости. Я не буду страдать в одиночку»*.

Глава 1

Настоящие дни...

Айви

Солнечные лучи припекают голову, и мне приходится приставить руку ко лбу, чтобы лучше увидеть детскую площадку. Мои подопечные в этом году последний день водят хоровод и прощаются друг с другом до сентября. И я, как их наставник и классный руководитель, каждому вручаю по медали за то, что они успешно закончили первый год начальной школы. Улыбаясь, пожимаю руку последнему из родителей и благодарю за фрукты в подарок за мою работу.

Устало рухнув на стул, я чувствую такое невероятное счастье, что у меня всё получилось. Это был сложный год. Мой первый год, когда мне дали класс начальной школы после случайных частных садов и временных замен коллег. Учителя без опыта работы никому не нужны. Их зачастую за людей не считают, но я очень упрямая. Слишком упрямая, как говорит папа, и если мне будет нужно, то даже мёртвых воскрешу, чтобы получить хорошую рекомендацию. Благо никого воскрешать не пришлось, и всё закончилось отлично.

Подписав все документы на летний отпуск до августа, выхожу из школы уже в сумерках и складываю в машину все подарки от детей и их родителей. Ноги гудят от постоянной ходьбы в лодочках на протяжении целых девяти месяцев,

но сегодня всё. Я могу полноценно забыть о них на ближайшее время, как и о страхе, что более опытные учителя ткнут меня лицом в какую-то ошибку на пятиминутке перед началом рабочего дня. Свобода.

Нет, я люблю детей. Я просто их обожаю. Мне интересно обучать их новому, видеть восторг в доверчивых глазах, двигаться вместе с ними до того момента, когда у них получится выговорить длинное и сложное слово. Дети – самое доброе и искреннее население нашей планеты. Они заслуживают, чтобы их любили и помогали им стать достойными людьми.

– Пап, я дома! – Кричу с порога и, сбрасывая туфли, направляюсь на кухню, чтобы поставить все подарки на стол.

– Пап? – Оглядываясь, не замечаю отца, хотя в это время он обычно слушает радио на веранде.

Хмурюсь и обхожу небольшую гостиную, заглядываю в его спальню, в кабинет, но нигде его нет.

– Пап? – Открываю дверь в ванную, затем в кладовую.

Куда он мог уйти в начале десятого вечера? Мой отец, профессор и преподаватель в университете, затворник. Он ходит читать лекции три раза в неделю в первой половине дня, а потом находится дома. Исключительно дома. Даже за продуктами не выходит, потому что ему не нравится выполнять скучные дела. Когда я была маленькой, для него было адом самому ездить в супермаркет, и он нанял соседского парня, чтобы тот за него покупал продукты по списку и при-

ВОЗИЛ.

Распахиваю дверь в свою комнату и удивлённо приподнимаю брови.

– Пап, ты что здесь делаешь? – Нахожу его, сидящим на полу возле моего шкафа среди множества детских вещей. Он словно отмирает и поднимает на меня голову.

– Папа, всё в порядке? Тебе стало плохо? – Испуганно опускаюсь на колени рядом с ним. Мой взгляд проходится по коробкам, и я замечаю спрятанные фотографии из моего детства. Те фотографии, которые я не хотела бы видеть. Я забыла о них, как и они забыли обо мне.

– Айви, я не слышал, как ты вернулась. Неужели, ты снова сбежала с уроков? – Он быстро собирает вещи и складывает их обратно в коробки.

– Вообще-то, мне двадцать пять и уж точно сбежать с уроков, которые я преподаю, не в моих правилах. Я стойко вынесла последний день занятий. И, к слову, уже очень поздно. Ты что делал со всем этим бараклом? – Кривлюсь, снова смотря на вещи.

– Я... надо приготовить ужин. Я забыл. Работал над новыми лекционными тетрадями. Раньше было удобнее, студентам нужны были только ручка, тетрадка и мозги. А сейчас? Модные компьютеры, интернет-связь с руководителем, файлы для скачивания. Безобразие. Обленились совсем. – Закапываю глаза и улыбаюсь.

Папе шестьдесят и его нелюбовь к технике довольно по-

нятна. В его возрасте уже сложно обучаться чему-то новому, да и он такой же упрямый, как и я. Его считают в университете самым требовательным и жёстким преподавателем. Его боятся. Но студенты не видят, как он чертыхается и скулит о помощи с компьютером. Уж точно они бы, наконец-то, поняли, что он такой же человек, как и они. А не машина по убийству детей и добычи свежей крови на экзаменах.

Помогаю ему убрать все коробки и иду за папой на кухню, всё ещё волнуясь за его состояние. Он никогда раньше не доставал эти вещи. Он их убрал очень давно, а сегодня... это очень странно.

– Итак, расскажешь, что произошло, раз ты решил предаться не самым приятным воспоминаниям? – Осторожно интересуюсь я, открывая холодильник. Папа грустно улыбается, когда я протягиваю ему бутылку пива и достаю шницель на ужин.

– Здесь такое дело, Айви. Мне пришло письмо, – медленно говорит он.

– Какое письмо? Приглашение на похороны? – Он бросает на меня осуждающий взгляд, отчего я раздражённо передёргиваю плечами.

– Не надо так...

– А как надо? – Зло огрызаюсь я. – Как я должна реагировать на это? На письмо? Прыгать от радости? Благодарить Бога за то, что они вспомнили о нас?

– Пэнзи всегда старался поддерживать с нами связь, Ай-

ви, – напоминает отец.

Тяжело вздохнув, качаю головой.

– Последний раз он писал тебе девять лет назад. Да, он очень хорошо поддерживал связь. Прямо из кожи вон лез, – фыркаю я. – Ладно, что он хочет? Нас пригласили на похороны?

– Айви! – Повышает голос отец.

– Так ты ответишь? Или я буду думать, что это именно так, – упираю руки в бока, недовольно буравя его взглядом.

– Нет, никаких похорон, хвала Всевышнему. Никто не умер.

– Тогда не понимаю причин, по которым им что-то понадобилось от нас через столько лет. Деньги? – Презрительно морщу нос.

– Они не просят денег, Айви. Они просят кое-что другое, точнее, кое-кого, – папа красноречиво окидывает меня взглядом.

– Что? – Шокировано шепчу я.

– Мне написала твоя мама...

– Женщина, которая родила меня и бросила, – вставляю я.

Папе неприятно слышать это каждый раз, когда я так говорю. Но это правда, чёрт возьми! Мне жаль его... так жаль, ведь он до сих пор любит эту наглуую женщину.

– Она не бросала тебя. Это я тебя увёз с собой.

– А она просто отдала меня, словно я была лишним багажом, – язвительно шиплю я.

– Айви, ты не понимаешь. Между нами с твоей мамой...

– Не хочу больше это слышать. Так что? Она хочет, чтобы мы приняли её здесь, у нас? – Резко перебиваю его.

– Нет. Она просит приехать тебя в гости к ним.

– Что? – Уже кричу я.

– Айви, прошу тебя, угомони ядовитые плющи своего характера и выслушай меня. – Обиженно выпячиваю губы от его слов.

Меня называли плющом. Айви. Да, чёртовым паразитом, который уничтожить практически невозможно. И папа постоянно, когда со мной ругается и требует что-то, делит меня на: «плющ комнатный», «плющ обыкновенный», «плющ ядовитый». Это жутко раздражает. Я даже думала сменить имя, но потом забыла об этом. Вот моего брата называли в честь цветка «Анютины глазки» и это вдвойне обидно, потому что у него не голубые глаза, а карие, как у отца, у меня же... ненавижу свои глаза от неё.

– Прошло много времени с того дня, но я никогда его не забуду. Мы приняли решение с твоей матерью расстаться, потому что у нас... были проблемы. Мы не смогли их решить другим способом. Меня пригласили преподавать сюда и это было хорошим шансом подняться по моей карьерной лестницы, как и больше зарабатывать. Она же не могла оставить свою семью и мою. Она всегда ухаживала за нашими родителями и помогала им, пока они не умерли. Ты была очень развитым ребёнком, тебе был тесен родной город. И сначала

мы решили посмотреть, как пойдут дела. Ты быстро освоилась здесь рядом со мной, и мы подумали, что если мы снова вернём тебя обратно, то это сильно ударит по твоей детской психике. Так и решили ничего не менять.

– Я слышала эту историю сотню раз. Но ни разу ты не говорил, почему они даже не звонили нам. Мне. Почему эта женщина никогда не присылала мне открытки на день рождения, Рождество и другие праздники? Почему она ни разу не навещала нас? Почему брат не хотел встречаться со мной? И у меня этих «почему» уйма, папа. Они и заставляют меня с презрением относиться к ним. После двадцати с лишним лет она присылает тебе письмо, словно королева, и даёт разрешение мне встретиться с ними? Ты уж прости, что я не прыгаю от радости, – горько говорю я.

– Айви, на это тоже были причины. Если бы они могли...

– А разве не могли? У них нет рук, ног, телефона? Есть. Всё у них есть. Хватит искать оправдания им, папа. Я понимаю, что ты любишь её до сих пор, но она тебя нет. Слышишь? Она не любила тебя, раз так просто позволила уехать и даже ни разу не поинтересовалась, а как ты здесь без неё. Нет таких проблем, которые невозможно решить. Нельзя воскресить человека из мёртвых, а вот найти время для общения с мужем и своей дочерью можно найти. Вы даже не развелись нормально. Ты перечеркнул всю свою жизнь, как мужчина, чтобы не опозорить её на весь город. И да, я злюсь на неё. Именно на неё, потому что брат был слишком

мал, чтобы что-то понимать, но я не ищу и ему оправданий после шестнадцати. Им было хорошо все эти годы, так что пошли они к чёрту!

– Айви! – Отец ударяет ладонью по столу, и его лицо краснеет от ярости. Он никогда не кричит. Нет, может повыситься голос, но потом сразу же улыбается, да и не спорим мы особо. Но сейчас он просто багровеет от ярости на меня.

– Неужели, я не права, папа? Неужели, ты до сих пор ждёшь её? – С болью шепчу я.

– Я...я...надеюсь, – выдыхает он. Господи, моё сердце сжимается от жалости к нему. Это ещё одна причина, почему я ненавижу вторую часть нашей семьи. Противных предателей.

– Доченька, я прошу тебя, поезжай. У тебя отпуск. Учебный год закончился и это шанс... шанс для вас узнать друг друга. Когда я умру, у тебя останутся только Пэнзи и твоя мать...

– Не манипулируй своей смертью. Ты ещё долго будешь жить.

– Это не манипуляция, а просто констатация факта. Я знаю, что тебе очень больно, но это и моя вина. Я схватил тебя и сбежал сюда. Я. Понимаешь? Я любил тебя до безумия. Я боялся оставлять тебя там. Мне казалось, что здесь, в большом городе, у тебя будет куда больше возможностей, чем там. Я думал только о твоём будущем, и я тоже совершил ошибку. Если бы я поступил иначе, поддерживал связь

с ними, поощрял твою мать, но я... боялся, Айви. Боялся тебя потерять, как и её. Ты так похожа на неё и, глядя на тебя, я мог жить дальше. Прости меня, Айви, но мне придётся настоять на своей просьбе.

– Ты не сможешь насильно меня, как багаж, туда отправить, – прищуриваюсь я.

– Ты права, я не смогу. Но если я скажу, что там ты узнаешь причины того, почему они не позволяли себе связаться с тобой?

– Не позволяли? – Хмурюсь я.

– Да, именно так, Айви. Они хотели. Они любили тебя и до сих пор любят. Твоя мать страдала всё это время без тебя. Твой брат каждый день порывался приехать сюда и обнять тебя. Они не просто так остались в стороне, они тоже тебя оберегали. Хочешь знать причины? Спроси их, – предлагает отец.

– Ты загоняешь меня в психологическую ловушку. Ты используешь мою боль против меня. Я на это не куплюсь. Ты же помнишь, что я изучала в университете психологию и работаю учителем детей? А они самые искусные манипуляторы в мире. Если эта часть семьи хочет видеть меня и наладить общение, то пусть приезжает сюда сама. Я с места не сдвинусь, – категорично мотаю головой и сдуваю ненавистную завившуюся прядь волос из-за влажности. Никакие горячие щипцы меня не спасают. Причёски хватает только на первую половину дня. Это тоже меня раздражает.

– Они не могут. Твой брат собирается жениться, это отличный повод, чтобы познакомиться снова. Праздники сближают людей. К тому же он офицер полиции. У него есть работа. Твоя мать сложно переносит дорогу из-за постоянно скачущего давления. Это небезопасно для неё...

– Я, вообще-то, тоже работаю и у меня тоже может быть слабое здоровье, – бурчу упрямо я.

– Айви, – отец цокает и качает головой.

– Ну, почему ты так хочешь, чтобы я туда поехала? Я не хочу. Мне они не нужны. Они нас бросили, папа. Бросили. Я не верю в то, что были какие-то веские причины, кроме их нежелания с нами общаться. Это ненормально с их стороны. Ненормально и оправданий им нет. А сейчас. Вот что изменилось сейчас?

– Ты выросла.

– Я выросла уже очень давно. Если никто до сих пор не заметил, то мне очень жаль, – фыркаю я.

– Айви, – отец глубоко вздыхает и удручённо проводит ладонью по лбу. – Это важно, понимаешь? Надо было сделать это раньше, но всё не было подходящего случая. Сначала у тебя был переходный возраст, потом женские странности, а теперь ты выросла и можешь быть разумной.

– Раз так, то они выросли раньше меня и что-то не стали разумными, – язвительно замечаю я.

– Айви...

– Назови одну вескую причину, зачем мне это нужно?

Только мне, папа. Не тебе и не ей. А мне?

– Она твоя мать, а он твой брат.

– Это не причина. Они были такими и пять лет назад, и десять, но что-то об этом не помнили. Слушай, я понимаю, что ты чувствуешь себя виноватым из-за того, что у вас с ней ничего не получилось, и она не захотела переезжать с тобой сюда. Но это не оправдание тому, чтобы забыть о ребёнке, которого она родила, а другого любить всё это время. Нет, я никогда этого не пойму. Нет, папа, – отрезаю я.

– Это я бросил твою мать, – мрачно произносит отец, отчего я закатываю глаза. И эту байку я тоже слышала. Он всегда пытается её выгородить. Два года мы о них не говорили, а до этого он пытался рассказывать мне о второй части семьи, которая даже не помнила о нас. Какого разумного человека это не обидит? Не оскорбит? Не ранит? Не ломает? Да вряд ли кто-то другой на моём месте бы кинулся в жаркие объятия к людям, бросившим его. К матери, напроочь забывшей о существовании дочери. Разве это нормально? Нет. Так матери не поступают.

– Ладно, закончим этот разговор. Отправь им письмо, что у меня эти женские штучки начались и будут продолжаться ещё пятьдесят лет. Вот после этого я обдумаю, хочу ли я их видеть, – отворачиваюсь к плите и достаю сковородку.

– Неужели, тебе даже не интересно вернуться туда, где ты была рождена? Где прошло твоё детство? Увидеть дом? Маму и брата? – Подавленно спрашивает папа. Шумно вздыхаю

и поджимаю губы.

– Мне просто больно. Я не могу перебороть это чувство. Оно уже не такое острое, как в двенадцать лет, но оно до сих пор живёт в моём сердце. Они для меня незнакомцы. Детство моё прошло здесь с тобой. Мой дом здесь. Не важно, где человек рождён, важно, где он счастлив, папа. А я счастлива здесь с тобой, – бросаю на него печальный взгляд, выкладывая шницели на сковородку.

– Я понимаю, доченька. Понимаю тебя прекрасно, но дай им шанс. Поверь мне, просто поверь мне, как человеку, который тебя обожает всем своим сердцем, что у них были причины, чтобы так поступить, как и у меня. И если ты поедешь туда, то они тебе расскажут. Они поделятся с тобой своей болью. Им ведь тоже очень больно. Они тебя любят не меньше, чем я. И... может быть, я хочу иметь шанс, слабый шанс, снова собрать семью вместе. – Мои глаза слезятся от его надежд, но я быстро моргаю, не позволяя себе слабость.

– То есть ты не можешь встретиться с ней из-за меня? – Бросаю на отца напряжённый взгляд.

– Много времени прошло... много так. Айви, да, ты была причиной, почему мы расстались. Но я не виню тебя. Я люблю тебя, ведь я твой отец, и как отец принял решение забрать тебя от них, чтобы оберегать, – моё сердце ломается от этого признания.

– Что? – Шокировано шепчу я, хватаясь за стул, чтобы не рухнуть.

– Ты была очень активным ребёнком, и никто не мог уговорить тебя. У тебя были истерики, а большой город стал хорошим шансом показать тебя узким специалистам. Просто ты была гиперактивной, такое бывает, а мы боялись. Ругались часто. Потеряли веру и надежду. А потом мне поступило приглашение на хорошую работу и должность. Твоя мама отказалась уезжать, мы думали, что это временно, что сможем сохранить семью. Она не могла бросить наших родителей, им требовалась помощь, а я не мог потерять приличную работу и помочь тебе немного уговориться. Ты часто ранилась, падала, получала сотрясение и ломала ноги и руки, потому что не могла сидеть и пяти минут на месте. Я не знаю... может быть, мы ошиблись. Может быть, многое, Айви, но дело всегда было в заботе о наших детях. О тебе. Не вини себя, вини меня, потому что я тайно забрал тебя и оставил записку твоей матери, что со мной тебе будет лучше. Прости меня, Айви, и поезжай к ним. Ты должна узнать женщину, которая сходила с ума без своей дочери, и брата, который до сих пор ждёт тебя дома. Это твой путь, и ты пройдёшь его одна. – Отец поднимается со стула и подходит ко мне. Он ласково проводит ладонью по моей щеке, а я не могу двинуться от шока. Что это всё, чёрт возьми, значит? Почему он врёт мне? Почему обманывает меня, убеждая поехать туда? Почему так требует этого?

– Я просто хочу, чтобы ты была счастливой, доченька. Любимой и счастливой. Я не буду ужинать. Доброй ночи, мой

дикий и необузданный плющ. – Он целует меня в лоб и уходит.

Мои ноги дрожат, и я падаю на стул, зарываясь пальцами в волосы. Слезы катятся по щекам от боли и недостающей любви от матери и брата. Но я буду сильной. Я взрослая. Это будет только один раз, и я получу ответы на все свои вопросы. Если они причинят мне боль или моему папе, то я навсегда вычеркну их из своей жизни и больше никогда не буду вспоминать.

Я дам шанс им. Дам. Но в последний раз.

Глава 2

Принятие такого важного решения, как встретиться с людьми, забывшими о тебе, довольно сложное. Я то была уверена в том, что делаю, а через несколько часов обида вскипала с новой силой, и я отказывалась от намеченного путешествия. Папа никак больше не влиял на меня. Он делал вид, что ничего не случилось, словно того разговора не было и вернулся к написанию новых лекций для летних групп в университете. Груз негодования и отчаяния давил на меня с невероятной силой. Я не могла позвонить даже Пэнзи, чтобы хоть как-то понять, а стоит ли игра свеч? У меня не было его номера телефона, а к папе обращаться не хотелось.

Через неделю мучений я всё же купила билеты на поезд, а затем на автобус до небольшого и провинциального городка «Санни-Хиллс». Ехать на машине долгие часы абсолютно не хотелось, да я и не собиралась задерживаться там. Я дам этим людям только пару дней, чтобы они всё мне рассказали, я сделаю вывод и уеду, чтобы подумать.

Горько усмехнувшись своим мыслям, застёгиваю дорожную сумку и снова проверяю, достаточно ли еды я оставила для отца. Он не любитель готовить. Как только мне исполнилось двенадцать, то я начала сама заботиться о нас с ним. Он забывал о времени, когда изучал какие-то новые исследования эволюции человека и мог совсем не есть, что ухуд-

шало его здоровье. Конечно, оставлять его одного не хочется. С годами он стал сложнее в общении и без меня он просто не сможет. Но он убедил меня, что с ним ничего плохого не случится. Ему как раз привезли новые книги для его оценочного мнения и с ним же ему предстоит выступить на семинаре через месяц, поэтому он будет крайне занят. Просить его ехать со мной было очень глупо. Признаться в том, что я боюсь увидеть мать и брата, тоже. В двадцать пять уже поздно бояться чего-то или рано, как посмотреть. Но уж точно не стоит бояться этих людей, они сами, наверное, меня боятся, ведь знают, сколько претензий у меня накопилось за двадцать лет. Чёрт возьми, двадцать лет! И им стало не всё равно на меня. Поражаюсь их возвышенным надеждам на то, что я рухну в их объятия и буду заверять в глубокой любви, как и в том, что всё хорошо.

Поднимаю солнцезащитные очки, внимательнее всматриваясь в небо. Оно затягивается плотными и грозowymi тучами на горизонте, прямо впереди по нашей извилистой дороге, по которой все пассажиры большого рейсового автобуса едут в разные города. Это был единственный маршрут, который я смогла найти. Городок «Санни-Хиллс» настолько неприметный и неинтересный, что туда никто не едет, кроме меня. Все предпочитают большие города, как и я. Я живу в таком, но вот мрачное небо, словно разрезает дорогу на солнечную сторону и тeneвую. Мы въезжаем в неё, и я оглядываю зелёные холмы, некоторые из них покрыты туманами.

ном, хотя очень жарко на улице. Автобус съезжает в долину, где и располагается моё место назначения. Для меня объявляют остановку, и я нехотя поднимаюсь из кресла. Это просто дорога. Самая обычная дорога рядом с вывеской: «Добро пожаловать в „Санни-Хиллс“. Солнце всегда улыбается каждому гостю». Поднимаю скептически голову на небо и усмехаюсь.

Ну да, особенно сейчас. Такое ощущение, что вот-вот начнётся тропический ливень. Влажность и духота ударяют по лицу, и я издаю приглушённый стон, спрыгивая на землю. Вся укладка коту под хвост. Я два часа выпрямляла волосы, чтобы они смотрелись презентабельно и сразу же сказали всем о том, что я не полоумная девчонка с копной буйных паразитов на голове, а взрослая женщина, с которой все должны считаться.

За спиной закрываются двери автобуса, и я едва успеваю отскочить от него, как он срывается с места. Из-под колёс летит мелкий гравий, а я, как дура, прыгаю на месте, чтобы он не поранил мои обнажённые ноги. Стоило надеть брюки, а не классические белые шорты и туфли на танкетке. Но я хотела выглядеть хорошо. Очень хорошо, чтобы утереть нос всем, кто на меня посмотрит. Как бы сказать своим видом: «Я живу прекрасно без вас». Но сейчас, сдувая вновь завившуюся прядь и покрываясь потом от влажности, отчего моя блузка прилипает к телу, а кольцо из жемчуга душит меня, я уже ненавижу этот город и эту минуту.

Оглядываюсь по сторонам и не замечаю машины Пэнзи. Я даже понятия не имею, будут ли меня встречать. Отец отправил письмо по почте, вместо электронного, но оно должно было уже прийти. Надеюсь. Очень на это надеюсь. У меня нет адреса. Нет никакой информации, и я очень сильно злюсь на себя, что, вообще, припёрлась сюда.

Не успеваю я развить плохие мысли в голове, как вижу полицейскую машину, летящую в мою сторону. Отхожу немного назад и крепко сжимаю сумку. В горле встаёт ком, а сердце, чёрт бы его подрал, начинает громко стучать в груди, оглушая меня страхом и горечью.

Когда машина останавливается в метре от меня, то я уже различаю внутри мужчину. Он поправляет значок на груди, окидывает своё отражение в зеркале изучающим взглядом, и выходит.

Его карие глаза сверкают даже при такой пасмурной погоде. Он высокий, крепкий и в полицейской форме. У него тёмные коротко подстриженные волосы и широкая улыбка. Меня словно ударяют по груди, когда я вижу в нём молодую копию папы. Мой брат...

– Айви, – он выдыхает моё имя и быстро приближается ко мне. Но я отшатываюсь от него, задыхаясь от боли и душащих меня слёз. Ожерелье теперь словно удавка стягивает шею. Не даёт нормально вздохнуть.

– Пэнзи? – Выдавливаю я. Мужчина кивает и смеётся. Он всматривается в моё лицо, оглядывает меня с ног до голо-

вы и снова вливается своим тёплым взглядом в глаза. А мои слезятся от эмоций.

Я же обещала себе, что не буду плакать. Не из-за них. Не поддамся их фальшивой радости. Они бросили меня. Они ни разу не навестили меня. Я даже не помню голос своего брата, а он такой мягкий и дружелюбный. И это ранит. От боли в груди мои мысли резко и быстро выстраиваются в ровную шеренгу, как мои подопечные ученики, чтобы я отвела их на обед.

– Я так рад тебя увидеть. Господи, Айви, сестрёнка, я безумно ждал этого момента. Час уже караулю автобус. Нервничаю сильно, – Пэнзи делает ко мне шаг и раскидывает руки, чтобы обнять, но я дёргаюсь в другую сторону и приподнимаю подбородок.

– Я очень устала с дороги. Не самый приятный и быстрый маршрут. Я бы сейчас хотела принять душ, если это возможно. Вероятно, ты мог бы подбросить меня в отель, чтобы я там сняла комнату и привела себя в порядок, – сухо произношу я.

Уголки губ брата разочарованно опускаются. Глаза становятся настолько печальными и грустными, что, кажется, он сейчас расплачется от моего тона и поведения. Но разве он заслужил хорошее отношение? Нет. И я здесь не для того, чтобы обниматься с ним. Я хочу узнать, какого чёрта они поступили так подло со мной.

– Мы подготовили для тебя комнату. Твою старую ком-

нату в нашем доме. И приготовили твои любимые блюда, – сдавленно отвечает Пэнзи.

– А вы знаете, что я люблю? Вряд ли. Вы не знаете меня, и я не знаю вас. Но я приехала сюда по просьбе отца и готова пожить в вашем доме в знак благодарности и вежливости. Не более, – резко говорю я.

– Да-да, я понимаю, Айви, – брат опускает голову и качает ей, тяжело вздыхая.

– Тогда мы можем ехать? Очень душно и влажно. Мне хочется освежиться и отдохнуть, – напоминаю я.

– Конечно, я отвезу тебя. Пойдём. Давай, я помогу с сумкой?

– Я сама.

Разворачиваюсь и демонстративно тащу свою сумку, хотя из-за этой проклятой погоды она словно на несколько килограммов стала тяжелее.

Сажусь сама в машину и кладу сумку себе на ноги, наблюдая за братом. Он настолько расстроен, что когда опускается на водительское сиденье, я замечаю, как его руки дрожат от волнения и эмоций. Наверное, я веду себя, как дрянь. Избалованная городская дрянь, но мне больно. Мне так больно...

Нет, я должна дать шанс. Я сама себе это обещала. Один шанс.

– Прости, что была груба, но я не знаю, как вести себя с тобой, – тихо признаюсь я.

Пэнзи мягко улыбается мне, бросая взгляд в мою сторону, и кивает.

– Если честно, то я тоже. Вроде бы я знаю тебя, но в то же время нет...

– Ты не знаешь меня. Никто из вас не знает меня, – перебиваю его.

– Папа присылал нам каждый месяц письма с рассказами о тебе и твоих успехах.

– Что? – Удивляюсь я.

– Да. Он тебе не говорил?

– Ни разу.

– Наверное, не хотел расстраивать. Мы ждали каждое письмо с нетерпением, Айви. Нам было очень интересно узнать, какой ты стала, с кем встречаешься, в каком месте работаешь. Я поздравляю тебя с должностью учителя начальных классов. Тебе нравится?

Всё ещё обескураженная новостью, сглатываю и только могу кивнуть.

– Я люблю детей, – выдавливаю из себя.

– Я тоже. Обожаю карапузов, но когда они вырастают, то с ними становится сложно. Подростки неуправляемые. К примеру, вчера поймал выпускников средней школы, когда они хотели написать на водонапорной башне ругательные слова. А позавчера разгонял их и изъясил коробку пива. Но всё равно это здорово. Мы тоже были такими, – смеётся брат, и я непроизвольно улыбаюсь.

– Значит, ты офицер полиции? – Уточняю я.

– Я заместитель главы полиции нашего отделения, обычно меня называют шерифом, но я зачастую помогаю патрулировать улицы. У нас маленький отдел. Да и город тоже маленький, – улыбается брат.

Мы уже въезжаем на центральную, как понимаю, улицу, и я замечаю большой белоснежный фонтан. Он выключен, но вокруг него много молодёжи.

– А почему он не работает? – Интересуюсь я, указывая взглядом на фонтан.

Брат смеётся и качает головой.

– Тебе понравится эта история, Айви. Неделю назад ребята из старшей школы решили устроить пенную вечеринку в нём. Канализация забилась, и чуть ли не весь город был в пене. Очищали трубы, но в ближайшее время фонтан заработает снова. Ты узнаёшь его?

– Нет. Я ничего не помню. Когда я уехала, мне было пять, – грустно отвечаю я.

– Зато ты вернулась, Айви, и сможешь наверстать упущенное. Основные магазины на этой улице. А также здесь есть два изумительных ресторана с американской и итальянской кухнями и бар с бильярдом, полицейский участок, здание администрации и библиотека. Три года назад отреставрировали кинотеатр, он чуть дальше, по ту сторону фонтана. В двух кварталах располагаются наша больница и футбольное поле. А это школы: начальная, средняя и старшая. Сейчас там на-

чинается лагерь и, если ты хочешь, я мог бы узнать, вдруг для младших групп понадобится помощник.

– Ох... нет, я в отпуске, – натянуто улыбаюсь.

– Работать с детьми сложно?

– Нет, не особо, есть свои нюансы. Я не задержусь здесь, а ответственность за группу ребят не могу взять. У нас в средней школе тоже есть лагерь. Они делятся по две недели каждый поток, а я думаю, что уеду отсюда раньше. Будет неправильно с моей стороны давать обещание, которое я не смогу выполнить, – пожимаю плечами и рассматриваю одноэтажные небольшие домики.

– Ты собираешься уехать? Уже? Ты же только что приехала к нам! – Хмурится Пэнзи.

– Через пару дней. Папа очень безответственный, когда дело касается приёмов пищи. Хотя у него есть еда, я наготовила для него и всё подписала, но он попросту о ней забывает. Да и его возраст. Я ему нужна. – Мы останавливаемся у светлого двухэтажного дома, окружённого зеленью и цветами. Моё сердце сжимается оттого, что я даже его не помню.

– Но ты нам тоже нужна, Айви. – Поворачиваю голову к брату.

– С каких пор? Вы без меня прекрасно жили больше двадцати лет. Проживёте и остальное время, – колко бросаю я и выхожу из машины, но сделать дальше шаг не могу. Мои ноги прирастают к земле.

Пэнзи тоже выходит из машины и становится рядом со мной.

– Ты не права на наш счёт, Айви. Не надо с нами так, – говорит он печально.

– А как надо? Улыбаться, словно ничего не случилось? Смеяться над такой глупостью, как мои страдания столько лет? Чего вы ждёте от меня? Прощения? Любви? Семьи? Мы чужие. Я даже войти в этот дом не могу, потому что уже испытываю отвращение. Так как я должна себя вести? Убедить вас, что всё в порядке? Нет. Я не люблю лгать. Ни черта не в порядке. И эта ситуация меня злит. Я хочу развернуться и уехать домой, – честно произношу я, повернув к нему голову.

– Айви, мы не ждём от тебя всего, что ты описала, но хотя бы чуточку терпения и понимания для нас. Да, мы в твоих глазах ужасные люди, но мы не чужие. Были обстоятельства. Если бы я мог...

– Ты мог. Ты мог, ясно? У тебя есть руки и ноги. Ты не инвалид. Ты жив. Поэтому других веских причин я не вижу отказаться от общения с нами только, как нежелание это делать. И я пока не могу сохранять спокойствие. Я не готова к этому. Я... мне лучше снять номер в отеле, – сухо всхлипываю я, крепче хватаясь за свою сумку. Меня начинает трясти от желания расплакаться, ведь это так жестоко. Смотреть на дом, в котором я родилась и прожила пять лет, но ничего не помнить, ужасно. Абсолютно ничего не пом-

нить. Не слышать сказок перед сном. Не знать, как пахнет выпечка по утрам. Что такое поцелуй матери перед школой. А как празднуют день рождения брата. Да сотня «почему», «как», «если бы». И я теряюсь в них.

Чувствую, как мужская ладонь ложится на мою спину, и брат притягивает меня к себе за талию. Но я не хочу этого. Не хочу жалости. Я взрослая. Я уже переросла тот возраст, когда нуждалась в них. Сейчас это просто люди. Незнакомые мне люди.

Отталкиваю Пэнзи и отхожу назад, сглатывая ком в горле.

– Останься с нами, Айви. Хотя бы на неделю и мы всё обсудим, хорошо? Мы поговорим. Дай нам шанс доказать тебе, что мы тебя любим и если бы всё было иначе...

– Что иначе? – Грубо перебиваю его. – Что именно иначе?

– Обстоятельства. Тебе нужно было лечение. Мама боялась, что ты себе навредишь. Погибнешь по неосторожности, понимаешь? Она страдала не меньше, чем ты, Айви. Не веди себя эгоистично. Мы ждали тебя. Мы каждый день говорили о тебе и мечтали, что ты когда-нибудь вернёшься к нам. И вот этот день наступил, а ты упрямо вертишь нос. Это тоже больно. Ты не знаешь ничего о нас, но мы живые, ты правильно заметила. Мы живые, и мы тоже чувствуем. Дай нам рассказать об этом и показать тебе. – Мне становится стыдно за то, что я тоже жестока к ним. Шумно вздыхаю и прикрываю глаза на несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

– Прости. Это так сложно. Очень. Бежать хочется. Мне

страшно, Пэнзи. Просто страшно узнать, что я снова не нужна. Узнать больше о прошлом, которое я забыла. Я боюсь, – едва слышно признаюсь я с болью.

– Сестрёнка, я знаю. Поверь мне, я знаю, как это паршиво. Но я обещаю, что мы тебя не разочаруем. Мы, правда, любим тебя и любили раньше. Всегда любили. Пожалуйста, пошли в дом. – Брат протягивает мне руку, и я смотрю на неё, как на чёртову змею. Не люблю змей. Они скользкие, гадкие и противные. Но я перебарываю свои чувства. Вкладываю свою руку в его, и брат улыбается мне.

– Позволь, – хватая мою сумку, он ведёт меня в дом. А у меня ноги деревянные. Они практически не идут.

– Она там? – Напряжённо спрашиваю я.

– Мама? – Брат задерживается на крыльце. Киваю ему.

– Нет. Она в больнице. У неё ночная смена. Она до сих пор работает медсестрой и... в общем, она подумала, что тебе будет некомфортно, если вы встретитесь сегодня.

– То есть она прячется от меня? – Прищуриваюсь зло я.

– А ты не хочешь сделать того же, Айви? – Усмехается брат.

– Хочу. Ты прав. Очень хочу. Наверное, так лучше, – шепчу я, соглашаясь с верным решением.

– Она придёт завтра в обед. Я буду дома, и мы... хм, надеюсь, что ты отдохнёшь и немного привыкнешь прежде, чем вы встретитесь. Наверное, я буду вести себя так же, как ты, когда увижу отца.

– Ты собираешься с ним встретиться? – Удивляюсь я.

– Безумно хочу этого. Я так скучаю по нему. Скучаю по семье. Мне тоже не хватало вас. Я чувствовал себя обделённым. У меня забрали мою взбалмошную сестрёнку и отца. Ведь я был старше, и я вас помнил. Я вас знал. У меня отобрали часть моей жизни, и я хочу её вернуть, – он так искренне говорит это, отчего я проникаюсь его словами. Мы чувствуем себя одинаково одинокими в этой ситуации. Так паршиво.

Брат открывает дверь дома, и мне в нос ударяет аромат выпечки и сладкого ванилина. Моё сердце сжимается от боли.

– Добро пожаловать домой, Айви, – торжественно говорит Пэнзи.

Это будет слишком сложно.

Глава 3

Когда папа покупал наш дом, то он выбрал тот, где не будет деревьев вокруг, сада и минимум мебели. Я очень любила бегать и была, правда, активным ребёнком. С годами мы не особо обжились мебелью, да я и привыкла к тому, что у нас есть только самое необходимое. Никаких свечей, рамок с фотографиями, милых безделушек или чего-то в этом духе. Мне нравилось, что не нужно поднимать сотню маленьких фигурок, чтобы протереть пыль. Я привыкла к тому, что можно идти с закрытыми глазами в туалет и ни обо что не удариться, потому что нет ничего лишнего. Даже в моей спальне только кровать, шкаф, стол и стул. Ещё я повесила одну полку для личных книг. Всё. Никаких милых торшеров, пуфиков и зеркальных столиков. Ничего лишнего.

Сейчас же, стоя на пороге старого дома, о котором я ничего не помню, я ужасаюсь количеству мебели. Я даже ещё не вошла, а уже вижу три высокие узкие тумбы слева, покрашенных в зелёный, жёлтый и малиновый. Они завалены какими-то книгами, газетами, салфетками и шарфами. Над ними вешалки для одежды, забитые этой самой одеждой, как и полно обуви валяется у порога. А дальше только хуже. Это какой-то склад чёртовых вещей.

Осторожно делаю несколько шагов, осматривая прихожую, а за ней большую гостиную, тоже забитую вещами. Их

так много. Очень много. Несколько диванов коричневого, сиреневого и красного цветов, столько же кресел пурпурного цвета. Яркие пледы, разбросанные по всему пространству, множество картин, рамок с фотографиями, торшеров, даже ловцы снов. На журнальном столике стоят три кружки и все они грязные. Валяются рядом газеты, на которые пролили кофе.

Господи, мне становится дурно. Я ненавижу грязь. Я люблю порядок и мало мебели. У нас всё блестит от чистоты, потому что я прибираюсь несколько раз в неделю. А здесь, хоть и нет пыли, но так всё завалено, и пространство, довольно большое, давит на меня. Оно душит.

– Вы приехали! – Подпрыгиваю на месте от женского визга, и мне на шею прыгает блондинка, повисая на мне. Шокировано отталкиваю её и испуганно прячусь за братом. Какого чёрта? Что это за девица с розовой прядью?

– Ой... – девушка распахивает голубые глаза и удивлённо смотрит на брата. – Привет.

Пэнзи смеётся и чмокает её в щеку.

– Я же говорил, чтобы ты вела себя немного спокойнее. Айви не привыкла ещё к нам и к нашему... приветствию. Прости, Айви, мы при встрече всегда обнимаемся и целуем друг друга в щеку, – взволнованно поясняет брат.

– Да, прости, Айви, я забылась. Так была счастлива! Так счастлива, что ты, наконец-то, здесь! – Визжит девушка и хлопает в ладоши.

– Это моя невеста. Сью-Сью Паркер, – представляет её Пэнзи. Да ладно? Мой брат выглядит так консервативно и даже по-военному строго, а эта девушка... как будто с вечеринки пришла только. Её яркие фиолетовые ногти ужасают меня. Мои же выкрашены в классический розовый лак. А её одежда... короткая джинсовая юбка, высокие ковбойские сапоги и крошечный топик ядовито-зелёного цвета буквально прожигают мои глазницы.

– Очень приятно. Я Айви Бранч, – протягиваю ей руку, но Сью-Сью смеётся и ударяет по ней, дав мне «пять». Сколько ей лет? Господи.

– Она такая городская, да, Пэн? Такая вся... ну такая... – девушка звенит многочисленными браслетами на запястье, описывая круги в воздухе.

– Да, она очень красивая, – кивает брат.

– Ну да, красивая, но ещё и... выглядит как училка, – последнее она говорит шёпотом только для брата. Но я ведь всё слышу.

– Я и есть учительница младших классов, – замечаю сухо я.

– Ага, я знаю. Пэн рассказывал. Надо же, никогда бы не подумала, что «Ураган Айви» станет такой скучной, – смеётся Сью-Сью.

– Прости? Скучной? – Давлюсь от оскорбления.

– Я имела в виду, что ты даже не улыбаешься. Чувствую себя не в своей тарелке, прямо захотелось таблицу Менделеева.

леева вспомнить. Чёрт, я несу ерунду, да? Прости меня. Я так нервничаю. Я вся на взводе. Мы ждали тебя, – тараторит она. Брат успокаивающе кладёт ладонь на её плечо, а она, кажется, сейчас с истерикой бросится на эти ужасные диваны и начнёт стучать кулачками по ним.

– Не переживай. Ты хотела, как лучше. Ты пыталась с ней подружиться снова...

– Снова? – Ужасаюсь я. Смотрю на Сью-Сью и уж точно могу сказать, что я её не знаю.

– Да, вы одногодки. Вы ходили вместе в дошкольную группу и дружили. Только вот в отличие от тебя, Айви, Сью-Сью никогда не неслась впереди меня, чтобы первой забраться на дерево и доказать мне, что она это может. Она была крайне осторожной, – смеётся брат.

– Чего не скажешь обо мне сейчас. Но это правда. У меня остались фотографии с наших дней рождений. Я могу тебе показать их. Мы снова станем подругами, да? – Голубые глаза смотрят на меня с надеждой, а меня внутри передёргивает.

– Время покажет, – сдержанно произношу я.

– Что мы здесь стоим? Пойдём, Айви, присядем. Ты устала. Дорогая, приготовь чай и... – брат обрывается на полуслове, когда его пейджер пищит. Господи, у них до сих пор есть пейджеры.

– Чёрт, мне нужно ехать. Вызывают в офис. Айви, Сью-Сью о тебе позаботится и будет с тобой целый день, пока я не вернусь. Я заеду на ужин, а потом помогу ребятам патру-

лировать улицы ночью. Хорошо? – Нервно спрашивает он.

– Без проблем, я просто буду спать, – пожимаю плечами, оглядываясь снова. Интересно, а здесь всё такой яркое и слишком... хм, деревенское?

– Отлично. Тогда до встречи. Люблю тебя, – удивлённо бросаю взгляд на брата, но он обращается к своей невесте и целует её быстро в пухлые губы, отчего на щеках Сью-Сью появляется яркий румянец, такого же цвета, как и её розовая прядь в волосах. Она влюблённо провожает взглядом брата, а потом, как дурочка, вздыхает, прикладывая руки к губам. Невероятно противно.

– Хм, так где я могу расположиться? – Напоминаю о себе и поднимаю сумку с пола, которую брат просто бросил.

– Ой. На втором этаже. Пошли, я покажу. Так здорово, что ты к нам приехала, – она хватается меня за руку и тащит за собой.

Мы проносимся мимо входа на кухню, и я мельком замечаю зелёный стол и жёлтые стулья, гору посуды и висящую на одной петле дверцу тумбочки внизу. Боже мой...

Мой взгляд натывается на рамки с фотографиями, и я вижу свою маму. Она стоит рядом с братом на выпускном и гордо улыбается. А на другой они сидят в саду среди друзей, которых я не знаю. Следующая это просто брат, он смеётся и закрывает руками лицо от солнца. Другая тоже показывает мне его, только маленького. Он стоит с какой-то грамотой и вот таких отрывков из их жизни полно. Но на них нет ме-

ня. Это вновь укалывает болью моё сердце.

Сью-Сью продолжает что-то тараторит, и мы взбегаем по узкой лестнице на второй этаж. Половицы скрипят, а ковёр, по которому мы идём, выцвел с годами, на нём даже уже не угадать рисунок. Она ведёт меня к самому концу коридора и открывает последнюю дверь. В нос ударяет запах хлорки. Яркие розовые обои, в некоторых местах разукрашенные цветными карандашами и даже с оторванными кусками. Узкая кровать, застеленная пледом в цветочек, несколько мягких игрушек. У собаки оторван глаз. Маленький столик из дерева фиолетового цвета и белый стульчик с обшарпанными ножками.

Они что, издеваются?

Меня начинает потряхивать от того, что я вижу. Это ужасно. Я ничего не помню из этого. Я не знаю это. Не моё это. Хочется убежать отсюда. Просто схватить свои вещи и нестись сломя голову.

У меня начинается первая в моей жизни паническая атака. Я не слышу, что говорит мне Сью-Сью, но она что-то рассказывает. В моих ушах невероятный гул. Я смотрю то на рисунки, то на занавески красного цвета, то на девушку. Мне плохо. Меня жутко тошнит...

Из рук падает сумка, и я резко вылетаю из комнаты. Несусь вниз, слыша крик Сью-Сью за спиной. Распахиваю входную дверь и выскакиваю на улицу. Склоняюсь над клумбой и меня рвёт. Чёрт. В глазах собираются слёзы от того,

что я увидела, и боли. Это не моя жизнь... я её не помню. Это всё не моё. Чужое.

Опускаюсь на ступеньку и вытираю мокрый лоб. Скуля, закрываю лицо руками и глубоко дышу.

– Айви, ты как? – Поднимаю голову на Сью-Сью. Она протягивает мне бокал воды, и я благодарно киваю ей. Выпиваю всё залпом.

– Ужасно. Меня знобит... здесь есть гостиницы? Я не могу, понимаешь? Вы все... это всё... не я это. Не могу там находиться, – шепчу я.

Девушка садится рядом со мной на ступеньки и глубоко вздыхает.

– Сложно представить, как ты себя чувствуешь. Наверное, это и, правда, ужасно вернуться сюда для тебя. Столько лет жить без семьи...

– У меня есть папа, – тихо возмущаюсь я.

– Я имела в виду, что без полной семьи. А сейчас... дети быстрее привыкают к обстановке. Взрослые уже имеют багаж страхов и опасений. Но они нуждаются в тебе, Айви. Да, ты не знаешь их, но... но Пэн он так ждал тебя. Он считал дни и часы, когда ты приедешь. Он вымыл сам твою комнату, а он постоянно занят. Хотя город у нас маленький и ничего особо не случается, но бумажная работа и все дела. Он был весь, как на иголках. Он мечтал о встрече с тобой, – грустно заключает Сью-Сью.

– А она? Ты хорошо общаешься с ней? С матерью своего

жениха? – Выдавливаю из себя. Девушка широко улыбается и кивает.

– Конечно. Тереза самая добрая женщина, которую я знаю. Она никогда не кричит. Никогда не ругается. Она всегда пытается мне угодить, а Пэна просто обожает. И она тоже ждала тебя, хотя... она... ну, не особо эмоциональна, понимаешь? Она не смеётся громко. Не ходит быстро. Она нигде не торопится. Она нечасто проявляет эмоции. Но Тереза хороший человек, Айви. Она хорошая мать.

– Не для меня, – горько шепчу я.

– Но у вас ведь есть ещё шанс, Айви. Нельзя упускать этот шанс. А если вдруг что-то случится? Ты только представь, вдруг какой-то несчастный случай или просто она умрёт по состоянию здоровья?

– Она больна? – Выгибаю скептически бровь.

– Здоровая, как лошадь, – хихикает Сью-Сью. – Но я не об этом. Мы никогда не знаем, когда потеряем человека. Потом будет поздно. Сейчас у тебя есть возможность хотя бы узнать их. Ты ничего не теряешь ведь. Ты всегда можешь уехать, но зато потом не будешь корить себя за то, что не сделала этого. Не познакомилась с ними. В этом городе всё движется медленно. Не так, как в большом. Там вы бежите куда-то, ничего не замечаете. Мне не понравилось. Я ездила туда, чтобы выбрать свадебное платье и меня ужаснуло, что люди не замечают, где они живут, чем окружены. Они просто потребляют это и не наслаждаются красотой. Они неискрен-

ние. Здесь же... большая семья, ты всех знаешь и уверена, что тебе в любой момент придут на помощь. Люди здесь добрые и незатейливые. Они не обманывают, не воруют, немного шалят, но это нормально. Может быть, это твой шанс тоже найти что-то важное для себя?

Ошарашенно смотрю на девушку. Какие умные вещи бродят в голове этой провинциальной простушке. Надо же... я удивлена и это вызывает улыбку. Хорошо ошибаться насчёт других людей и сколько раз меня учили не делать выводов по внешнему виду. Но зачастую первое впечатление не бывает ошибочным, но когда это всё же так, то приятно знать, что есть ещё те, кто могут тебя удивить.

– Спасибо. Думаю, я так и сделаю. Просто нервы, – мягко отвечаю я.

– И волосы, – Сью-Сью показывает на мои выбившиеся пряди из ракушки.

– Ох, да. Они упрямые. Их сложно выпрямить...

– Нет, я не об этом. Они такие безжизненные. Ты давно была в салоне, Айви?

– Что? – Обиженно касаюсь своих волос.

– Думаю, что ты за ними неправильно ухаживаешь. От частого использования утюжка они стали сухими и ломкими. Такой дар природы нельзя губить. Но я это исправлю. Походы в салон всегда повышают настроение. Что скажешь?

– Я так ужасно выгляжу?

– Что ты, нет, конечно. Но волосы надо вылечить. У меня

свой салон красоты. Лучший в городе. Мы могли бы там поболтать и больше узнать друг о друге, как и привести твои волосы в порядок. Ты выпрямляешь их, словно бежишь от себя настоящей, Айви.

– Но ты свои волосы красишь. Это не одно и то же? – Резко перебиваю её.

– Моя краска смывается сегодня же, а это мой натуральный цвет. Боже, я не хотела тебя обидеть. Я просто пытаюсь помочь... привыкнуть... не знаю. Несу какую-то чушь. Ты же городская, больше знаешь о салонах красоты, чем я. Прости меня, – Сью-Сью хватает мою руку и сжимает её.

– Хм... всё в порядке. Неожиданно, но ты права. Я ненавижу свои волосы и постоянно их выпрямляю, как и думаю, что мне стоит немного отвлечься. Завтра, может быть. Я не взяла с собой утюжок, он занимает слишком много места, да и никогда не хотела знать, как ухаживать за кудрявыми волосами. Мне казалось, что они делают меня... легкомысленной, – признаюсь я.

– Большой город, – улыбаясь, девушка закатывает глаза. – Почему вам там так нравится скрывать себя настоящих? Кудряшки не делают тебя легкомысленной. А вот сухие волосы делают тебя старше и доказывают, что ты давно не была на свиданиях.

– Что? – Смеюсь я. – С чего ты взяла?

– Потому что ты сделала маникюр перед приездом сюда. Уложила волосы тоже для поездки. В обычной жизни ты

не сильно следишь за собой. Ты прячешься за классическими юбками и формой, потому что боишься, что если дашь волю своему телу, волосам и характеру, то напугаешь отца. Ведь они всегда твердили, какой ты была неугомной... ненормально активной. Прости, что говорю это, но я ведь права. Это нормально, Айви. И я не считаю, что в активности есть что-то плохое, тем более детской. Они слишком на этом зациклились и испортили жизнь стольким людям. Сами себя лишили семьи. Порой родители ни черта не знают, что хорошо для их детей. Они не знают своих детей, – грусть проskalъзывает в голосе Сью-Сью.

– У тебя проблемы с родителями? – Интересуюсь я. Она несколько раз моргает и отводит взгляд. Её улыбка становится наигранной.

– Нет. У меня отличные родители. Они всегда принимали меня такой, какая есть. Ох, как душно стало, точно пойдёт дождь. В доме прохладнее, пойдём, Айви, – она резко подскакивает с места и заходит в дом.

Конечно, нет проблем. Оно и видно.

Устало провожу ладонью по лбу и поднимаю голову к небу. Я бы не прочь принять душ и даже из дождя, а потом лечь спать. Уснуть и ни о чём больше ни с кем не говорить.

Захожу в дом и ёжусь от созерцания пёстрой мебели. Не могу унять свою «чистюлю» внутри. Собираю грязные кружки и несую их на кухню, отмечая, что они здесь явно не любят мыть посуду, да и что-то чинить.

– Айви, да брось это. Ты же гостья, тебе ничего не нужно делать. Потом помою. Когда-нибудь, – со смехом Сью-Сью забирает у меня посуду и ставит рядом с раковиной, где места нет, чтобы даже тарелку всунуть в эту гору.

– Когда-нибудь? Это же привлекает насекомых. Могут завестись тараканы, – ужасаюсь я.

– Ой, это уже есть. Так что не беспокойся, – равнодушно пожимает плечами она.

– Что? Их нужно немедленно...

– Господи, Айви, я шучу. Я не успела помыть посуду, пока готовила обед, ужин и пироги для тебя. Тереза на дежурстве. Она работает два дня через два, потом отсыпается ещё сутки, так что у неё времени не остаётся на готовку. Я ухаживаю за ними обоими в силу своих возможностей, потому что мой салон работает с десяти утра до восьми вечера, и я сама за всем слежу. Я стригу, делаю маникюр и педикюр, поэтому у меня всё расписано на месяц вперёд, а сегодня я взяла отгул. Что касается чашек, то Пэн всегда пьёт три чашки кофе с утра и из разных кружек. Думаю, он создаёт видимость, что рядом с ним вся его семья. Знаешь, психологическая травма и тому подобное. В общем, мы не грязнули, клянусь. А шкафчик я сломала. Дёрнула, так как торопилась. Пэн починит вечером. Он на все руки мастер. Расслабься, правда, ты слишком напряжена, – девушка приобнимает меня за плечи, и я облегчённо вздыхаю.

– Слава Богу. А мебель? Почему здесь так много странной

мебели? Как будто её собирали по всем уголкам Америки? – Интересуюсь я.

– Ох... когда вы с отцом уехали, это сильно ударило по психике Пэна. Он перестал видеть цвета. Он отвечал, что всё стало серым. И Терезе пришлось выкрасить мебель в самые яркие цвета, чтобы помочь ему. Она покупала по этой же причине такие диваны и кресла. Пэну было очень сложно без вас, а Тереза думала, что всё дело в цвете. Нет, не цвет был важен, а семья. Но сейчас он точно видит все цвета, хотя я... иногда специально крашу волосы в разные цветные пряди, чтобы... проверить. Боюсь, что у него снова будет подобный приступ, а это лишит его работы, которую он любит. Вот так, – Сью-Сью приподнимает немного плечи и опускает их.

Господи, бедный брат. Теперь мне его жаль, ведь мы с ним стали марионетками родителей и их страхов. Я всё больше и больше проникаюсь своим братом, а вот матерью... у меня к ней отторжение. Эмоциональное. Они с отцом разрушили нашу жизнь. Они сделали нас неполноценными. И если с отцом я жила много лет, и попросту не могу его презирать, но незнакомую женщину, которая меня родила, могу. Да, я предвзята. Ничего не могу с собой поделать.

Сью-Сью показывает мне небольшую ванную комнату, где сразу видно, что все вещи там принадлежат женщине. Довольно скупой женщине. Она моется обычным мылом, зубы чистит каким-то порошком и у неё нет зубной щётки. Даже

ящичков для полотенец. Они просто лежат стопкой на стуле в углу. Знать, что сюда сотню раз входила мама, прикасалась к этим вещам и пользовалась ими, пока я плакала и звала её по ночам, а она мылась, находилась на смене или гладила по волосам брата, больно. Очень больно. Не знаю, как мне с ней встретиться. Я не уверена, что когда-нибудь захочу выслушать её. Брат другой. Он тоже жертва обстоятельств, как и я. И по его глазам, движениям и нервозности я видела, что он испытывает неловкость и в то же время из кожи вон лезет, чтобы мне понравиться. Он мне уже нравится.

Глава 4

Сажусь на кровати, обмотавшись застиранным серым полотенцем и провожу ладонью по покрывалу. Оглядываю каблуки на обоях. Становится так жалко себя. Очень жалко. Но я справлюсь. Душ помог мне смять пыль и пот, а сейчас я собираюсь прятаться. Долго прятаться в этой комнате...

– Айви? Могу войти? – Дёргаюсь от стука в комнату.

– Хм, я ещё не одета...

Но Сю-Сю всё равно, она уже распахивает дверь и улыбается. Охая, сильнее хватаюсь за край полотенца.

– Я же голая! – Возмущённо повышаю голос.

– Да, брось. Мы обе девочки. Вряд ли у тебя есть что-то, чего нет у меня, – равнодушно пожимает плечами. Какого чёрта?

– Я хотела спросить, ты будешь обедать? У меня всё готово. Я бы хотела покормить тебя, а потом мне нужно съездить в салон, чтобы проверить автоответчик и перезвонить клиентам. Они впадают в истерику, если что-то не работает хотя бы день или выбивается из привычной колеи. Такие нудные, – добавляет она и кривит нос.

– Не беспокойся. Я не голодна. Можешь ехать, со мной всё будет хорошо. Мне двадцать пять, и я справлюсь, – заверяю её.

– Уверена? Я обещала Пэну, что позабочусь о тебе...

– Абсолютно.

– Тогда супер. Я вернусь через пару часов, и мы чем-нибудь займёмся. Не скучай, – девушка подскакивает ко мне и, поцеловав в щеку, со смехом выскакивает из комнаты.

Они, видимо, забыли о приличиях. Они другие. У них свои правила, своя жизнь, а я на них смотрю, как на мошек, приставших ко мне. Я веду себя, как стерва.

Переодеваюсь в новую рубашку с коротким рукавом и шорты, выхожу из комнаты и останавливаюсь, разглядывая двери. Это комнаты брата и матери. Я не хочу туда входить. Не хочу.

Спустившись вниз, игнорирую рамки с фотографиями, потому что они причиняют мне боль. Разочарованно смотрю на гору посуды и качаю головой. А как же убрать за собой?

Принимаюсь прибираться на кухне, чтобы быть немного занятой. Здесь такой беспорядок. Столько старых кастрюль, крышек, покрытых приличным слоем жира и грязи. Почему нельзя быть немного аккуратнее? Отвратительно. Вооружившись химией, оттираю всё, пока кухня не начинает блестеть, а я без сил.

Живот урчит от голода, уже прошло больше двух часов. Видимо, Сью-Сью не торопится возвращаться, да и зачем? Я чужая. Нам явно некомфортно друг с другом, а поддерживать нелепые разговоры я не люблю. Ненавижу, на самом деле.

Перекусив кусочком пирога со шпинатом и сыром, подни-

маюсь на второй этаж и падаю на кровать. Она издаёт неприятный скрип, обещая сломаться от моего взрослого веса. Да и ноги свисают. Эта кровать явно не предназначена для нормального человека, которому больше не пять и даже не двенадцать лет. Чёрт. Но я настолько устала, что у меня закрываются глаза, и я проваливаюсь в сон.

Резкий удар заставляет меня подскочить и с грохотом рухнуть на что-то твёрдое всем телом. Скуля, потираю локти и лоб, сонно понимая, что я лежу на полу. Господи, это так больно. Я никогда не падала с кровати, но это со мной и произошло. Очередной раскат грома вызывает дрожь во всём теле. Вскидываю голову, непонимающе оглядываясь. Так воняет хлоркой, просто ужасно. Вокруг меня темнота, не считая молнии, разрезавшей светом детскую комнату, и я вспоминаю, что приехала в «Санни-Хиллс» с миссией. Только вот сейчас мне просто хочется спать. Забираюсь обратно на кровать и пытаюсь улечься, но это попросту теперь невозможно.

Зевая, достаю мобильный и вижу, что только начало десятого. Выглядываю в окно и вижу затянувшееся небо тучами, среди которых сверкает молния и всё сотрясается от ужасающего грома. Такие низкие облака. В большом городе непогода проходит куда проще, чем здесь.

Спустившись вниз, замечаю, что никого нет и нахожу выключатель на стене. Щёлкаю светом и шлёпаю босыми ногами к холодильнику. Жутко хочу есть. У меня такое бывает. На нервной почве все нормальные люди худеют, а я ем, как

будто меня морили голодом. Достаяю крылышки, воняющие обилием масла и специй, пирог и бутылку пива. Никто не будет против, кроме моего желудка. Не знаю, что с ним будет завтра, но сейчас я слишком голодна, чтобы думать об этом.

Облизывая пальцы и делая заметку в голове сказать Сью-Сью, что крылышки явно не её стихия, по дому проносится трель звонка. Вздрагиваю и выпрямляюсь. Это телефон. Старый телефон. Вытираю пальцы о салфетку и иду на звук. Конечно же, телефон располагается в коридоре у двери под слоем хлама, который я разбираю, точнее, просто сбрасываю на пол. Не знаю, можно ли мне отвечать, но а вдруг это папа? Вдруг что-то случилось, и он потерял свой мобильный? Такое тоже бывало.

Хватаю трубку и прикладываю к уху.

– Да. Я вас слушаю, – медленно произношу я.

– Айви! – Кривлюсь от крика Сью-Сью.

– Я сейчас оглохну, – шепчу я.

– Чёрт, прости. Я просто плохо слышу тебя из-за ветра. Мне звонил Пэн... – её голос прерывается от неполадок на линии.

– Алло, Сью-Сью? Я тебя не слышу...

– Я не могу приехать. Застряла у родителей... у нас ливень... до города дойдёт через... Пэн просил привезти ему... они лежат в гостиной на диване... забыл...

– Что? Ничего не понимаю, – хмурюсь я.

– Дом на холме... документы, Айви... сейчас... дождь

ещё не начался... забыл Пэн. Дом Уиллеров. Ты сможешь?

– Эм, я практически ничего не слышала...

– Принеси ему их, пожалуйста, – её теперь слышно лучше.

– Документы?

– Да-да. Пэн не знает, что я у родителей. Я не планировала оставаться, но у нас дождь начался раньше. Он заезжал домой, чтобы поужинать и, видимо, забыл папку. Там какая-то проверка в доме, трубы прорвало или что-то подобное, и они ждали представителей семьи Уиллеров. Ему срочно нужны эти документы. Выручишь?

– Ладно. Без проблем. А куда идти? Дождь вот-вот начнётся, – хмуро бросаю взгляд на гостиную, озарившуюся светом от молнии.

– У тебя есть ещё минимум час. От нас идёт дождь к вам долго. Ветер может измениться, но это ерунда. Пэну нужны документы прямо сейчас. Он постоянно что-то забывает дома, а мне приходится привозить это. До дома Уиллеров минут пятнадцать от тебя пешком. Ты увидишь его сразу же. Он на холме. Тебе нужно выйти из дома, свернуть налево и идти всегда прямо. Там и увидишь. Сделаешь это для брата, Айви?

– Да... да, – глубоко вздыхаю я. Как будто выбор есть. Я не люблю выходить из дома в дождь. Да кто любит?

– Спасибо, Айви. Завтра с меня причёска и маникюр. Целую-целую, – Сью-Сью кладёт трубку, а я с кислой физиономией цокаю.

Нет, я не ленивая, но... ощущение, что они все взялись за меня в ранние сроки, чтобы я привыкла жить здесь и помогать. Как будто хотят меня приучить к их жизни.

Делать всё равно нечего, поэтому я обуваю кеды и нахожу папку с документами. Выхожу за дверь и не знаю, нужно ли запирать её. Наверное, нет. Пэнзи не открывал её ключами, да и их у меня нет. Я быстро схожу туда и обратно, чтобы прибраться за собой. Я всё бросила на столе. Еду и косточки от крылышек. Чёрт... я уже превращаюсь в них. Отвратительно.

Открываю папку с и пробегаюсь взглядом по корявому почерку брата, как предполагаю. Это протокол осмотра дома сегодня в семь часов вечера и там случилось что-то с трубами, отчего осела земля. Помимо этого, на чердаке сломался бойлер из-за старости. Какая нуднятина.

Закрываю папку и иду по дороге, ощущая аромат приближающегося дождя и невероятную влажность из-за него. Ночью здесь безопасно. Нет машин, нет людей, нет ни души, кроме меня, то поднимающейся, то спускающейся по извилистой дороге, ведущей к дому. Я вижу его впереди, но пока это маленькая точка.

Гром над головой не предвещает ничего хорошего, и я иду быстрее, различая впереди тяжёлые чугунные ворота, поржавевшие от старости. Небольшая калитка у главной дороги, ведущей к дому, открыта и я чуть ли не забегаю туда. Меня словно в спину ветер толкает. Чёрт. Сила стихии на-

бирает только обороты. Волосы лезут в глаза из неприятного душного ветра. Держу крепче папку и как будто борюсь против ветра, не позволяющего даже приблизиться к дому. Наконец-то, добираюсь до сухого и заросшего зелёным мхом фонтана, а затем меня чуть с ног не сносит ветром. Хватаюсь за стену, но в моих руках чёртов плющ, и я отрываю кусок, удерживая равновесие.

– Ты уж прости, друг мой, но я не специально, – бубню я, отряхивая руки от травы.

Поднимаю голову и охаю от невероятной красоты широких арок на втором этаже и балконов. Весь дом скрыт под плющом, но иногда угадывается белая краска, к сожалению, уже потрескавшаяся. В ночи, да и в такую погоду, очень сложно разглядеть особняк, света здесь тоже нет. Даже уличного. Оглядываюсь назад, чтобы увидеть хотя бы машину брата, но ничего нет. Абсолютно ничего и никого. Сю-Сю же не могла так жестоко пошутить, правда?

Кусая губу и смотря себе под ноги, делаю шаг вперёд, как ощущаю кожей, что уже не одна. Ветер резко стихает, и я вскидываю голову. Взвизгиваю и подпрыгиваю на месте от неизвестно откуда взявшегося здесь человека.

– Господи, ты так меня напугал. Боже мой... – нервно смеюсь и быстро вхожу под козырёк. Мужчина стоит недалеко от двери. Я не могу хорошо рассмотреть его, но он высокий и молодой. Не старик. На нём белая сорочка с закатанными рукавами и классические брюки. Он не двигается, а мне ста-

новится жутко.

– Хм, добрый вечер. Я ищу Пэнзи. Он офицер полиции или шериф, пока ещё не разобралась с его должностью. Он должен быть здесь, в этом доме. Доме Уиллеров. Ты не видел его? Меня попросили принести документы, точнее, отчёт о трубах, которые он забыл дома, – стараясь быть вежливой, улыбаюсь и ожидающе смотрю на мужчину в тени. Он не отвечает мне. Потрясающее гостеприимство.

– Ладно. Здесь, вообще, есть кто-то из полиции? Я не заметила машин и... чёрт, надеюсь, что это не подстава. Я только приехала в город и не собиралась проникать незаконно на чужую территорию. Вообще, я спала, пока меня не разбудил гром. Потом позвонила Сью-Сью и попросила принести документы, которые забыл Пэнзи. Пэнзи Бранч, тебе знакомо это имя? – Делаю ещё одну попытку. Неожиданно мужчина дёргается и делает пару шагов ко мне. Он выходит на скудный естественный свет и его прищуренный, недоверчивый взгляд буравит моё лицо. Его руки сложены на груди, словно я помешала ему или меня подставили. Чёрт... до меня доходит, что Сью-Сью так решила меня взбодрить! Нет, я не против шуток, но не ночью, не в грозу, не тогда, когда вот-вот ливанёт дождь!

– Вот же стерва. Решила мне отомстить за то, что я назвала её грязнулей. Зараза. И на ней женится Пэнзи. Потрясающе, – зло бубню я, яростно смахивая пряди волос, вновь от ветра лезущие в глаза.

– Они уехали. – Мои руки замирают от спокойного, мягкого и глубокого мужского голоса. Поднимаю взгляд на мужчину.

– Ох... то есть они были здесь? – Тихо уточняю я. Он больше не щурится, а смотрит на меня открытым взглядом, а его руки теперь в карманах брюк. Даже слабая улыбка появляется на его идеальных губах. Чёрт, этот парень красавчик. Никогда не было у меня особых предпочтений. Но этот мужчина и, правда, молод, чуть старше меня или возрастом, как Пэнзи. Он похож на городского. На его запястье дорогие часы, отливающие настоящей платиной. Вычищенные туфли и лицо... очень красивое, а взгляд глубокий, изучающий меня и притягивающий.

Его губы начинают двигаться, и я замечаю щетину на его лице. Не тёмную, а светлую. Значит, у него тёмно-русые волосы, в темноте не видно. И должны быть светлые глаза или карие, или зелёные, как плющ.

О боже, он что-то мне говорит, а я воображаю себе глупости. Докатилась.

– Прости, повтори, а то я немного... хм, заснула. Такое бывает со мной. Дальняя дорога и все дела.

Господи, да хватит уже вести себя, как дура. И волосы бы стоило тоже оставить в покое.

Мужчина опускает немного голову и смеётся.

– Я говорил, что они были здесь. Устроили погром и уехали. Вернутся завтра утром, чтобы всё доделать. Пробки вы-

шибло, – произносит незнакомец.

– Мда, значит, я опоздала, но я не видела, чтобы машины ехали мимо меня. Странно...

– Здесь два въезда. Ты прошла через центральный. Не члены семьи или их представители обычно входят через задний. Центральные ворота и калитка заедают зачастую, поэтому быстрее въехать и войти в дом можно через задний вход. До города тоже расстояние сокращается на добрую милю. Этим входом давно никто не пользуется. – Он указывает головой в сторону, но мне вряд ли поможет эта информация. Хотя...

– А меня отправили по долгой дороге. Прекрасно, – недовольно цокаю и качаю головой.

– Ты только сегодня приехала? – Уточняет он.

– Да.

– Поэтому тебя и отправили по долгой дороге. Она открытая, то есть по ней идти легче и сложно потеряться. А ту дорогу знают хорошо местные. Предполагаю тот, кто тебя отправил, боялся, чтобы ты не заблудилась.

– Оу, – приподнимаю брови и улыбаюсь. – Твоё объяснение мне нравится куда больше, чем моё в голове. Просто Сью-Сью странная. У неё розовая прядь, ковбойские сапоги и одежда старлетки из порно, и она перевернула вверх дном кухню, а потом смылась. Она легкомысленная. Не понимаю, что в ней нашёл Пэнзи. В общем, мне показалось, что она решила мне отомстить. Я ненавижу грязь. А там... госпо-

ди, ты бы видел, гора чёртовой посуды в раковине. Гора, я не шучу. Вся посуда в жиру. Не понимаю, как так жить можно. Это же не гигиенично. Я ненавижу, когда грязно. Любой уважающий себя взрослый человек будет следить за чистотой, а не покупать странные пёстрые диваны и развешивать ловцы снов вместо того, чтобы привести в порядок то, что уже есть.

Ловлю озадаченный взгляд собеседника и прикусываю язык.

– Вот чёрт. Не знаю, зачем я говорю тебе всё это. Ты, наверное, считаешь меня сумасшедшей или одной из тех, кто свихнулся на чистоте. Нет... нет, клянусь, я нормальная. Я просто... – провожу ладонью по лбу. Испортила впечатление. Молодец. Ещё бы начала рассказывать о том, как чистить картошку или что-то в этом духе.

– Я тоже предпочитаю чистоту, – говорит он. Надежда появляется в груди, и я смущённо улыбаюсь. Спасибо, что не высмеял, это уже хороший знак. Обычно, мужчинам плевать на женские разговоры, да я и неболтлива. Совсем неболтлива, но, видимо, не с ним. Сейчас мне хочется не закрывать рта, только бы он не переставал рассматривать меня и улыбаться той самой улыбкой, которая заставила бы краснеть даже старушек.

– Хм... в общем, я, наверное, пойду. Раз мы разминулись с Пэнзи, то я не хочу попасть под дождь, – мямлю я, отступая назад.

– Какого цвета твои глаза? – Неожиданно спрашивает он.

– Что? – Недоумённо поднимаю брови.

– Глаза. Какой у них цвет? – Повторяет он. Серьёзно, что ли?

– Зелёный, но не такой, как у плюща, а такой, как у болота. Грязного болота. Не чисто зелёные, с каким-то дерьмом... о, боже мой, мне пора идти. Забудь всё, что я здесь наговорила. Не запоминай. Паршивый день и я не понимаю, что говорю. Пока, – скулю я. Глаза с дерьмом? Правда? Господи! Ну куда ещё большей душой надо было себя выставить?

Мне двадцать пять лет, а веду себя, как школьница. Тупая школьница.

Делаю пару шагов, сгорая от стыда из-за своих слов, как слышу за спиной:

– С возвращением, малышка.

Замираю в шоке и оборачиваюсь, но мужчины уже нет. Он ушёл, а его слова звучат в моей голове.

Какого чёрта?

Над головой снова проносится молния, и я срываюсь на бег к воротам. Что это было? Откуда он знает, что я вернулась, а не приехала первый раз? И «малышка»? Какая гадость. Фу. Ненавижу все эти уменьшительно-ласкательные обращения: зайчики, котики, детки, креветочки. Всё очарование от внешности мужчины сразу же перечёркивается этой безобразной «малышкой». Ну почему так не справедливо? Вроде бы всё при нём, а испортил впечатление одним сло-

вом. Хотя я тоже хороша. Глаза с дерьмом? Правда? Боже, теперь я сильнее хочу сбежать из этого города. Не дай бог, я встречу его среди знакомых брата, я же со стыда умру на месте. Глаза с цветом дерьма. Просто потрясающее красноречие. А я же умная, эрудированная женщина.

Бреду по дороге обратно и вижу фары машины, едущей прямо на меня. Отскакиваю к обочине. Автомобиль резко разворачивается и из него вылетает брат.

– Господи, сестрёнка! Я чуть с ума не сошёл! Ты где была? – Размахивая руками, он кричит и подходит ко мне.

– Я...

– Не делай так больше никогда. Я вернулся домой, понял, что ты проснулась, а тебя нет. Я уже готов был патрульные машины послать искать тебя. Никогда так не делай, – он хватается за плечи и прижимает к себе.

– Не хочу тебя снова потерять. Да и, вообще, какого чёрта ты здесь? Сейчас дождь начнётся! Ты понимаешь, что это опасно? Ты замёрзнешь и заболеешь! Ты...

– Эй, успокойся, – перебиваю его, отталкиваю и отхожу в сторону. Поднимаю папку в воздух.

– Мне Сью-Сью позвонила и попросила отнести тебе это. Ты забыл, – добавляю я. Брат открывает рот, чтобы возмутиться, а потом закрывает его, устало вздыхая.

– Чёрт. Об этом я тоже забыл.

– У тебя проблемы с памятью? – Хмурюсь я.

– Нет, когда меня не отвлекают чем-то, то всё в порядке.

Я выскочил из дома и забыл папку, а Сью-Сью второй раз дозвониться не смог. Решил, что она не прослушала моё сообщение, вернулся домой, а тебя нет. Прости, я просто испугался. Ты только приехала, и я уже потерял тебя здесь. Поехали домой, – Пэнзи подталкивает меня к машине.

– Я взрослая девочка. Тебе не нужно нестись спасать меня. Тем более город маленький, я бы точно не потерялась, – замечаю я.

– Я твой старший брат. Я буду за тебя волноваться. Меня лишили этого на двадцать лет, – резко бросает он и садится в машину. Вау, у него такой же паршивый характер, как у меня. Это вызывает улыбку.

Мы в молчании доезжаем до дома. Дождь так и не начинается, когда мы входим в дом, и я вспоминаю, что не прибрала за собой. Но на столе ничего нет. Всё убрано.

– Прости, что я бросила еду. Я сорвалась с места, что отнести тебе папку, и забыла, – тихо говорю я.

– Это такая глупость, Айви, – брат улыбается мне и включает чайник. – Я прибираю в этом доме последние лет пятнадцать, поэтому мне не сложно. Только я очень удивлён, что Сью-Сью вычистила всё. На неё это не похоже. Она...

– Это была я, – вставляю я. Ещё чего. Не отдам свои заслуги.

– Ты?

– Ага. Я люблю чистоту.

– Я тоже, но сложно её поддерживать, когда ты работаешь

семь дней в неделю и сам редко появляешься дома. А мама... она уже в возрасте и пропадает в больнице зачастую. Поэтому я немного запустил хозяйство. Хотел взять отпуск перед твоим приездом, но не получилось, потому что я один, а дел много. Не могу их передать штатным сотрудникам. В общем, я пытаюсь, – брат проводит ладонью по ёжику волос.

– Ты молодец, но ты меня прости, твоя невеста... она немного взбалмошная, – кривлюсь я, опускаясь на стул за столом.

– Да, она очень жизнерадостная и весёлая. Полная моя противоположность. Она помогла мне справиться с одиночеством, всегда привносит краски в мой мир, и я не знаю, что бы без неё делал. Она изменила меня, – с мягкой улыбкой признаётся брат.

– Ты её любишь?

– Зачем тогда я женюсь на ней?

– Не знаю. Правда, не знаю. Она явно не домоседка и не будет ждать тебя с горячим ужином по вечерам, –жимаю плечами.

– Она тебе не нравится? – Печально спрашивает Пэнзи.

– Ох... нет... нет... ты меня не так понял. Она твой выбор, не мой. И если тебе с ней хорошо, то это прекрасно для тебя. Я не знаю Сю-Сю, чтобы она мне нравилась или нет. Она... необычная. Надеюсь, что когда я узнаю её ближе, то пойму то, что видишь ты в ней. Хотя она добрая, но в её голове многое не задерживается. Она не умеет концентрироваться.

– Ты права. В нашей паре я якорь, а она мой корабль. Но ты её полюбишь. Сью очень дружелюбная девушка. Она искренняя и честная.

– Вы давно вместе?

– Нет, тройку лет мы официально вместе, хотя знали друг друга с детства.

– Тогда почему вы начали встречаться? Вспыхнули чувства? – Скептически интересуюсь я.

– Я был сильно занят своими мыслями в школьные годы, своими проблемами и тем, что отца и тебя нет рядом. Потом как-то перестал что-то чувствовать. Брошенный и одинокий. Маму заставлял нервничать не хотел, поэтому делал вид, что всё хорошо. Так и тянусь долгие дни. Они шли и шли, а я двигался машинально. Потом меня пригласили на вечеринку, и я решил пойти туда. В баре с другой компанией была Сью, и мы играли в дартс. Соревновались. Когда вечер закончился, то начался дождь, и я заметил её, идущую под ним. Предложил подвезти, но она не захотела. Отчитала меня, что я легкомысленный придурок, который считает, что она доступная девушка, раз была в баре. У нас завязался спор, а дальше... дальше мы стали чаще видеться, пересекаться и я почувствовал себя другим. Счастливым. Я узнал, какое это счастье быть любимым. Сделал ей предложение, но она отказа мне три раза. Её отец мэр города, она его единственная дочь, но у них сложные отношения... в общем, я настоял на своём и пообещал ей, что никогда не дам

её в обиду.

Значит, я была права, у Сью-Сью есть проблемы с родителями.

– Её отец не поддержал идею Сью открыть салон красоты вместо того, чтобы уехать учиться в большой город и получить хорошее образование, а потом работать с ним. Она ушла из дома и всё же сделала так, как хотела. Она очень упрямая. Её родители до сих пор не одобряют того, что она делает, как и меня, думаю. Они очень холодны со мной, но нас это не волнует. Сью сама зарабатывает себе на жизнь, а я хочу оберегать её от боли. После свадьбы она переедет ко мне, но мы постоянно ругаемся, когда обсуждаем это. У неё есть квартира над салоном красоты, и она хочет быть ближе к своему детищу, чтобы не терять времени. Свои сложности, – улыбается брат.

– А ты не думаешь, что она согласилась выйти за тебя замуж, чтобы снова доказать родителям, что они не имеют права ей приказывать? – Медленно спрашиваю я.

– Нет, что ты, Айви. Сью не такая. Она любит меня, я это знаю.

– Но как ты можешь знать наверняка? Я тоже когда-то считала, что мама меня любит, но она ни разу меня не навестила, – сухо замечая я.

– Айви, это другое. У мамы были причины, и она тебя любит. Ты её дочь. Она тебе всё объяснит, вы поговорите и...

– Закроем тему. Не хочу портить себе и тебе настроение.

Пойду спать, – резко перебиваю его и встаю со стула. Кладу папку на стол и направляюсь вон из кухни.

– Айви, дай ей шанс тоже, – летит в спину.

Передёргиваю плечами и поднимаюсь к себе. Как легко сказать «дай шанс». Этих шансов у неё было полно. Двадцать лет шансов. Двадцать! Она испортила мою жизнь. Превратила брата в робота, и он на свою голову нашёл взбалмошную девицу, которая точно не любит его. Конечно, дать шанс, это так просто.

Фыркнув от своих мыслей, вхожу к себе и сажусь на кровать. В памяти всплывает незнакомец, и я непроизвольно улыбаюсь, но тут же обрываю себя. Нет. Никаких мужчин в этом городе. Конечно, он отличается от них, он говорит иначе, интеллигентно, у него нет присущего местным акцента, он даже не вызвал бригаду из психиатрической больницы, чтобы меня забрали. Даже его эта «малышка» уже не портит впечатление. Сейчас точно не портит. Но всё равно никаких мужчин. Я уеду в ближайшее время. Уеду отсюда.

Глава 5

Разминаю затёкшую шею и кривлюсь от боли в спине. Нет, с этой кроватью надо что-то делать. На ней просто невозможно спать. Я перебила свой нормальный график вчерашним сном и ночью долго ворочалась, даже на пол перелегла, но это было ещё хуже. Господи, какой ад.

Хлопаю себя несколько раз по щекам, чтобы проснуться. Нужен кофе. Крепкий кофе. Очень крепкий кофе, иначе я не сделаю и пары шагов. Набрасываю халат, который я взяла с собой, и спускаюсь на кухню.

– Айви, доброе утро, хотя уже одиннадцать, но ты не сбегала, и ты здесь! – Со стула подскакивает Сью-Сью в очередном наряде «клоуна». Сегодня на ней высокий жёлтые гольфы, белые конверсы и платье какой-то черлидерши красного цвета. Её волосы собраны в детских два хвостика и задорно подпрыгивают накрученные пряди при каждом её шаге.

Господи, вот цирка мне ещё не хватало.

– Доброе, – бубню я, направляясь к чайнику. – Кофе есть?

– Мы не пьём кофе. Я и Пэну запрещаю его пить, но он постоянно его употребляет в участке. Только чай. Зелёный чай. Кофе ухудшает работу сердца, меня поддерживает Тереза в этом решении отказаться от кофеина, – прикрываю раздражённо глаза. Час от часу не легче. Вообще-то, в чае тоже есть кофеин.

– Значит, придётся найти чёртов полицейский участок и выпить кофе с Пэнзи подальше от вас, – цежу я.

– Ой, это вряд ли. Пэн сегодня работает в доме Уиллеров. Туда приезжает мистер Краус, это риелтор, который работает на семью Уиллеров на протяжении двадцати лет. Он сегодня должен встретиться там с ребятами насчёт труб. Поэтому Пэн будет в доме, так что ты его вряд ли застанешь в участке. Неужели, уже соскучилась по нему? – смеётся Сью-Сью.

– Почему ты здесь? Разве у тебя не полно клиентов, которым надо покрасить фиолетовые ноги? – Едко спрашиваю её, оборачиваясь к девушке.

Её улыбка спадает, и взгляд потухает от моей резкости. Чёрт.

– Прости, паршивое утро. Я не так представляла себе свой отпуск. Тем более меня ждёт встреча с *ней*, – натягиваю улыбку.

– Я понимаю. Ты срываешься на мне, потому что напугана, да и кровать ужасная, отчего ты не смогла нормально выспаться. Правда? А залог хорошего дня – хороший сон. Но твоя «фея-крёстная» уже обо всём позаботилась, я заказала тебе новую кровать. Её должны привезти вот-вот, поэтому и перенесла две записи на завтра, чтобы успеть принять заказ и проследить, как его соберут. Придётся завтра выйти в восемь утра и задержаться после работы, но разве новая, нормальная кровать для тебя того не стоит? – Сью-Сью вновь улыбается, а я чувствую себя последней сукой

за то, как отношусь к ней.

– Спасибо тебе. Сколько я тебе должна?

– Прекрати, Айви. Скоро мы станем одной семьёй и мне в радость сделать это для тебя. Пфф, это всего лишь кровать. Пэн не успел подумать об этом. Он слишком волновался о том, как ты его примешь и Терезу, поэтому всякие мелочи я взяла на себя. Садись, я успею тебя покормить, – дружелюбно предлагает девушка.

Молча опускаюсь на стул и рассматриваю Сью-Сью. Вспоминаю, что мне рассказал брат вчера и пытаюсь угадать её мотивы выйти замуж за Пэнзи. Она красотка. Одна из тех девочек в старшей школе, которые дают своё лидерское оценочное мнение кому-то вроде меня. Хотя я была популярна в школе, но всё же. Мой брат её абсолютная противоположность. Я даже не могу найти что-то общее у них.

– Пэнзи рассказал мне вчера, что ты отказалась получить высшее образование, ради своей мечты. Это было довольно рискованно для твоего будущего, – нарушаю молчание, пока она разогревает мне пирог в микроволновке.

– Нет, не рискованно. Я верила в свои силы, и я знаю слабые места бизнеса этого города. Я прожила здесь всю жизнь. Тем более я окончила школу с высшим баллом, прошла несколько хороших и дорогих курсов в городе по стрижке, окраске и маникюру. Также постоянно покупаю курсы онлайн и повышаю квалификацию. Я всегда хотела заниматься тем, что мне будет приносить удовольствие. Иначе зачем, во-

обще, что-то делать? – Она бросает на меня весёлый взгляд.

– А как же счета? Налоги?

– Я сама веду бухгалтерию. Тоже пришлось учиться этому, но я быстро во всём разобралась. Перед страной я чиста, у меня стабильный доход и счастливые клиенты. Мне многого не нужно, – пожимает она плечами.

– Твой отец мэр. Ты росла в достатке, – замечаю я. Сю с улыбкой передаёт мне чашку с зелёным чаем. Гадость. Но придётся пить.

– Именно поэтому я знаю цену счастью и любви. Я долгие годы наблюдала, как отец пропал на работе, а мама бросала меня и ездила в большой город, чтобы развлечься. С раннего детства меня заставляли плавать, скакать на лошади и жить по их правилам, а я хотела свободы. Хотела гулять, читать любовные романы и просто быть ребёнком. Поэтому я ушла от них сразу же, как только получила школьный аттестат. У меня были сбережения, накопила. Уехала в большой город и получила несколько сертификатов, потом вернулась и взяла в аренду одно из зданий на центральной улице. Ремонтировала его два года, но уже вела приёмы в одном маленьком зале. Затем расширилась и теперь у меня лучший салон, где женщины и мужчины всегда улыбаются.

– И твои родители не против? – Усмехаюсь я.

Сю-Сю сразу же мрачнеет и грустно смотрит на меня.

– Они ненавидят то, чем я занимаюсь. Они постоянно предлагают мне лучшие варианты, пытаются купить меня

или познакомить с мужчиной, который отвечает всем их требованиям. Не моим. Их. Они не воспринимают наши отношения и помолвку с Пэном серьёзно, как будто я маленькая и играю в какие-то салочки с ними. Нет. Я стараюсь им каждый раз дать понять, что я не изменю своего решения. Я выйду замуж за Пэна, потому что люблю его. Рядом с ним я чувствую себя сильнее. Он верит в меня, поддерживает меня и с ним мне так хорошо. Я ощущаю себя любимой и всегда показываю ему, как он важен для меня. Он увидел во мне личность, а не избалованную принцессу, которая поможет ему подняться по карьерной лестнице. Он не использует меня, не врёт мне, он честен со мной, иногда чересчур, но это я тоже люблю. Он спускает меня с небес на землю, когда я замечтаюсь. Он заезжает за мной и массирует мне ноги после рабочего дня, хотя сам устал. Он не так часто говорит, что любит меня, но он показывает это поступками, как и я забочусь о нём. О них обоих. Я хочу дать Пэну настоящую семью. Нормальную. Хочу дать всю свою любовь, чтобы он никогда больше не боялся, что у него что-то заберут и бросят его. Так что как-то так, – девушка ставит передо мной завтрак и садится напротив.

Её слова, действительно, искренние. Пока она говорила о брате, то её взгляд был другим, очень нежным и влюблённым. Она так же смотрела на него вчера, когда он ушёл. Не хочу признавать, но они любят друг друга, и я надеюсь, что Сью-Сью сможет дать брату всё, чего он был лишён.

– А ты, Айви? Когда ты решила стать учительницей? – Моргаю, выплывая из раздумий, и улыбаюсь Сью-Сью.

– Ещё в школе. Я часто была добровольцем в летнем лагере для начальной школы, потом решила идти на педагогический факультет. Мне нравятся дети, да и преподавание у меня в крови. Мой папа профессор в университете, у него несколько учёных степеней. Три года назад он оставил себе только преподавание, а до этого был заместителем ректора. Он написал несколько научных работ, его ценят, как сотрудника и как критика. Он часто выступает на конференциях даже в своём возрасте. К нему прислушиваются преподаватели, а студенты его жутко боятся. В общем, моё будущее было predetermined, – эту заученную годами речь я говорила сотню раз. Если не больше. Она не вызывает у меня каких-то тёплых чувств. Это просто работа. Просто выбор. Просто то, чем мне нравится заниматься. То, что помогает мне жить.

– Понятно. Когда у нас с Пэном появятся дети, буду к тебе обращаться за советами по их воспитанию. Не хочу совершить ошибки, какие сделали наши родители. – Продолжаю улыбаться ей и киваю. Что я ещё могу сказать? Что ошибки неизбежны? Что она мечтает о том, чего не существует? Нет. Я и так показала себя не с лучшей стороны, обижать её больше не хочу.

– Я обещала тебе сегодня показать свой салон. Что скажешь? Около трёх часов дня тебе подойдёт? У меня как раз будет покраска волос у клиентки, и я могу одновременно за-

няться твоими волосами? – Воодушевлённо предлагает Сю-Сью.

– Хм, я подумаю, спасибо. Пока не могу ничего сказать. Может быть, я просто сбегу отсюда. Ведь сегодня придёт она, – мрачнею быстро от своих слов.

– Поэтому тебе и нужно расслабиться в моём салоне после встречи. Поверь мне на слово, когда на голове хаос, то и в жизни он же. Сама заметишь, как мысли станут другими, как только я займусь твоими волосами. Мы оживим их и тебя, – радостно говорит она. Если бы всё было так просто.

– Хорошо. Тогда я приду и только обещаю тебе не красить мои волосы в розовый.

Сю-Сью звонко смеётся и качает головой.

– Выберу для тебя фиолетовый. Подойдёт к твоей внешности.

– Ты не посмеешь, – шепчу я с ужасом.

– Я шучу, Айви. Ты такая напряжённая. Тебе точно надо сходить в наш бар и немного развлечься. Когда ты в последний раз выбиралась куда-то с друзьями?

– У меня нет друзей, только коллеги по работе, но я стараюсь с ними никуда не ходить. Не хочу, чтобы потом они меня унижали. Они и так относятся ко мне, как к глупой девчонке, – кривлюсь я.

– Господи, нет друзей? Совсем нет? Это так печально, но зато теперь у тебя есть мы. Это судьба, Айви. Ты должна была вернуться сюда, потому что здесь твоя жизнь. Здесь то,

что ты продолжишь. Здорово! Я бы...

Звонок в дверь прерывает слишком позитивную и легкомысленную речь девушки. Судьба? Я не верю в судьбу. Я практична. Я верю в решения людей, и только.

Привозят мою новую кровать, и я не знаю, куда себя деть, пока Сью-Сью так легко общается с грузчиками и смеётся с ними. Они её знают, а я прячусь на кухне, давясь горьким чаем. Мне не комфортно, что она платит за меня, придётся вытерпеть экзекуцию в её салоне, чтобы уравнять финансовую сторону помощи. Не хочу быть никому должной.

Через час новая кровать занимает чуть ли не всё пространство комнаты, но она большая и удобная. Старую кровать относят в подвал, куда я даже спускаться не хочу, потому что уверена, там всё захламлено сломанной ерундой, которой место на свалке. Поэтому я всё ещё сижу на кухне до тех пор, пока все не уходят и Сью-Сью не прощается со мной. Только потом я снова поднимаюсь вверх, чтобы посмотреть, что получилось. Я делала это раз, пока грузчики выходили покурить и передохнуть, теперь же я наслаждаюсь мягким матрасом и новым постельным бельём для меня. Хорошо, Сью-Сью не такая плохая, какой я видела её сперва. Она не глупая дурочка, раз сама ведёт бизнес. И она любит моего брата. Наверное, стоит всё же перестать видеть во всех местных людях деревенских простаков. Когда я стала такой высокомерной?

Неожиданно раздаётся стук в дверь, и я подскакиваю

с кровати.

– Да? – Мой голос хрипит от страха. Я хватаю телефон и вижу, что уже половина первого, а это значит...

– Айви? Могу войти? – Это брат. Меня начинает немного потряхивать внутри. Я не готова. Я собиралась привести себя в порядок. Причесать волосы и затянуть их в тугий узел, сейчас я просто паникую.

– Что-то случилось? – Нервно спрашиваю брата из-за двери, открывая сумку и перебираю наспех вещи.

– Хм... здесь мама...

– Дай мне десять минут, я спала.

О... Господи, Господи, Господи! Я не готова!

– Я подожду тебя здесь, хорошо?

Хватаю свою одежду и вылетаю за дверь. Сталкиваюсь с братом, и он натягивает улыбку.

– Я сейчас, – шепчу я, забегая в ванную.

Из моих рук всё падает, и мне становится нечем дышать. Скатываюсь по двери, обхватывая руками голову, и стараюсь глубже дышать. У меня начинается паническая атака. Сильная атака. Я никогда так ничего не боялась, даже пауков. А сейчас... меня всю знобит.

Я увижу маму. Я увижу ЕЁ! Ту женщину, о которой столько лет думала. Ту женщину, которую до сих пор любит отец. Ту женщину, которая нас бросила.

Боже...

Еле-еле встаю на ноги и иду к раковине. Смотрю на своё

бледное отражение и облизываю сухие губы. Чёрт...

Глаза цвета дерьма...

Боже...

Хихикаю себе под нос, зачем-то вспомнив, что я вчера сказала тому красивому незнакомцу. Это немного помогает. Он был таким спокойным, хотя и напряжённым, недоверчивым. А я паникёрша и эгоистичная стерва. Нет... смогу. Это надо сделать прямо сейчас.

Приглаживаю свои волосы водой, чтобы унять кудри и так выпрямить их. Затягиваю волосы настолько сильно на затылке и закручиваю их, что даже голова начинает болеть. Переодеваюсь в строгое тёмно-бордовое платье с квадратным вырезом и обуваю чёрные лодочки. Я специально взяла своё лучшее платье и самые неудобные туфли, чтобы выглядеть хорошо, словно у меня нет проблем. Никаких проблем. Я не жалкая.

Бросаю взгляд на своё отражение и остаюсь им довольна. Именно такой я и хотела показаться *ей*.

Пэнзи присвистывает, когда я выхожу из ванной.

– Вау, ты выглядишь потрясающе, Айви. Такая элегантная, – шепчет восхищённо он.

– Благодарю, – сдержанно киваю и бросаю на кровать свою одежду. Затем выхожу из комнаты и становлюсь рядом с ним. Моё сердце колотится в горле. Меня тошнит. Сильно мутит.

Брат берёт меня за руку и крепко сжимает её.

– Всё будет хорошо. Я буду рядом и никогда не дам те-

бя в обиду. Я твой старший брат, и я намереваюсь быть им каждую минуту нашей жизни. Не переживай, Айви, это всего лишь наша мама, и она тоже сильно волнуется, – брат целует меня в лоб. Волна тепла захлёстывает меня, и я лгну к нему, ища поддержки. От Пэнзи веет заботой и силой. Он мужчина. Он мой брат. В этот момент я понимаю, что верю ему. Я признала его, как свою семью, а что касается её... это куда сложнее.

Мы спускаемся с Пэнзи вниз, он постоянно держит меня за руку. Меня даже бросает в пот, когда я ощущаю, что воздух становится настолько тяжёлым и густым вокруг, что дышать становится сложнее с каждой минутой. Брат выходит вперёд в гостиной, закрывая мне обзор. Я замечаю движение впереди. Моё тело колотит дрожью.

– Мама, это наша Айви, – мягко произносит брат и делает шаг в сторону. Я несколько раз моргаю, пока зрение не концентрируется на высокой женщине с короткой стрижкой седых волос.

– Доченька, – этот шёпот застревает где-то на пути ко мне. Кажется, я сейчас упаду в обморок.

Глава 6

Когда я была маленькой, то обожала затёртую чёрно-белую фотографию, где была изображена вся наша семья. Я гладила лицо мамы и прятала в своём шкафу снимок, чтобы папа никогда не узнал, как мне её не хватает. Однажды у меня первый раз пошли месячные и мне было безумно стыдно объяснить это папе, как и попросить купить прокладки. Мне пришлось использовать одну из набора для девочек, который нам выдали в подарок на уроке полового созревания и этого было мало. Очень мало. Я плакала от унижения и мне хотелось спросить маму, что мне делать дальше. Но фотография ответить не могла. Я смотрела и смотрела в её овальное лицо и улыбающиеся губы. Я хотела иметь такую же подтянутую и стройную фигуру, как у неё в том же возрасте. И я хотела просто узнать больше о том, что такое быть женщиной. Не нужно говорить, что мой папа, когда увидел кровавое пятно на моих домашних штанах, был в панике и повёл себя не так, как должен был. Он обзвонил всех своих коллег с вопросом: «Что ему делать?», а я горько плакала и сторала от стыда. Казалось, что хуже того дня, когда ко мне приехали пять незнакомых женщин и начали наперебой объяснять, как мне справиться с менструацией, болит ли у меня что-то, закидали меня пачками разных фирм прокладок и даже настаивали, чтобы я им показала, быть не могло. Нет. Оказы-

ваётся, могло.

И вот сейчас я смотрю в то же самое лицо, что и на той фотографии, но постаревшее, хотя морщин у этой женщины не так много. Она такая же высокая, стройная и подтянутая, одетая до сих пор в рабочую форму. Её глаза, цвета болота с дерьмом, как у меня, начинают блестеть от подступающих слёз. А у меня внутри тайфун из обиды, боли и отчаянного желания кричать на неё. Но я стою ровно, гордо задрав подбородок и слёз нет.

– Доченька. Айви, моя прекрасная Айви, – шепчет она, делая шаг ко мне. Она раскидывает руки, словно ожидая, что я в них упаду и всё будет хорошо. Нет. Я не двигаюсь даже. Не так решаются проблемы. Не объятиями. Двадцать лет не заменят фальшивые слёзы.

– Хм, здравствуй, – сухо киваю ей. Плечи этой женщины сникают, и она опускает руки. Брат печально бросает на меня взгляд и умоляет им не быть такой жестокой. А ко мне она не была жестокой?

– Ты стала такой красивой. Так похожа на отца, – тихо говорит она.

– Нет, во мне ничего нет от отца, кроме выбора одного направления в профессии. Я похожа на тебя, – горько усмехаюсь и качаю головой.

Повисает неловкая пауза. Я отвожу взгляд в сторону, потому что не могу смотреть больше на неё. Не могу.

– Мне нужны ответы. Почему ты бросила меня? Что те-

бе сейчас надо от меня? Ты не нашла ни одной свободной минуты, чтобы позвонить мне? Тебе не стыдно за то, что ты вышвырнула нас с отцом из своей жизни и запретила брату узнать нас? – Довольно резко спрашиваю её. Снова смотрю в эти глаза. Своих же глаза. Мне больно. Мне так больно в груди. Моё сердце разбивается на части оттого, что я простить не могу. Я виню её во всём. Только её, ведь она мать. Она должна была проявить инициативу.

Брат охает, а она отшатывается, словно я ударила её.

– Айви... – выдыхает она и быстро вытирает слезу. Одну чёртову слезу. Не потоп. Не целую реку. Одну!

– Так ответишь? Я приехала сюда только для того, чтобы узнать о причинах твоего решения, и только. – Я очень жестока к ней. Я это понимаю, но я не могу сейчас справиться с эмоциями и говорить с ней в другом тоне.

– Я... да, я... хорошо, – мямлит она и опускается на диван.

– Может быть, я принесу чай? Хотите чай? Я ещё привёз пирожных. Ты должна их попробовать, Айви. Это изумительные корзиночки с заварным кремом и джемом, – натянуто улыбаясь, предлагает брат.

– Да, с удовольствием, – отвечаю ему улыбкой и киваю.

– Отлично, вы пока... говорите, а я поставлю чайник.

Брат сбегает из комнаты, в которой стало очень душно. Воздух даже потрескивает между нами с ней. Мы сидим на приличном расстоянии друг от друга. И это расстояние

никогда не изменится.

– Я знала, что наступит тот день, когда мне придётся говорить об этом. Но это сложно, Айви. Сложно, потому что я совершила много ошибок. Я извиняюсь за них перед тобой, но я делала всё, ради тебя. Я хотела, чтобы у тебя была нормальная жизнь...

– Нормальная? Наверное, в твоём представлении нормальная это знать наверняка, что тебя вышвырнули из этой же нормальной жизни и выстроили целый забор перед тобой, посадили злую собаку и натянули колючую проволоку, – едко перебиваю её.

Она тяжело вздыхает и сжимает руки на коленях в замок.

– Нормальная – значит не здесь. Не в этом месте. Ты была очень активным ребёнком. Жутко активным. Твой отец должен был двигаться дальше, и я не могла запретить ему, не хотела. Я его сильно любила. И врачи там хорошие. Врачи были в большом городе. Мы не планировали, что это превратится в долгие двадцать лет, но так получилось.

– Прости? Так получилось? Это всё, что ты можешь мне сказать? – Оскорблённо приоткрываю рот и не верю своим ушам. Так получилось? Серьёзно?

– Мы не думали, что всё зайдёт так далеко, Айви. Мы с твоим отцом пытались помочь тебе. У тебя были психологические отклонения, а узких специалистов у нас в городе не было. Он начал искать работу, чтобы мы все могли переехать, но появились обстоятельства... здесь жили наши

с ним родители. Они были уже в возрасте, их нельзя было оставлять одних. Нам пришлось разделиться...

– Это я понимаю как раз, но я не понимаю, почему после их смерти и даже при их жизни ты ни разу не приезжала к нам, ни разу не звонила нам? Это ведь было не сложно, не так ли? – Грубо перебиваю её.

– Ты права. Это было не сложно, но я не смогла. Я боялась, что мы сделаем только хуже. Ты захочешь приехать к нам, а там... в большом городе могли тебе помочь.

– Помочь с чем? Ты просто объясни мне, с чем мне так нужна была помощь? Я не была психически нездоровым ребёнком, я была ребёнком, чёрт возьми. Я сама работаю с детьми и нет ничего ужасного в том, что они активны. Нет. Кто тебе вбил в голову, что это плохо? – Возмущённо повышаю голос и в этот же момент входит брат с подносом. Мать бросает на него взгляд, умоляющий о помощи. Господи, эта женщина даже признаться не может в том, что я ей была не нужна. Это оскорбительно.

– Айви, мама хочет сказать, что у тебя были психологические отклонения. Они с отцом так думали, – медленно произносит брат.

– Какие? – Хмурюсь я.

– Ты выдумывала себе друзей. Невидимых друзей, – едва слышно говорит мать. Недоумённо приподнимаю брови.

– Что? Но это тоже не отклонение. Многие дети, испытывая одиночество или нехватку внимания, выдумывают се-

бе друзей, – ещё больше удивляюсь я. Это глупая причина. Очень глупая.

– Да, так и есть, но внимания у тебя было много, ты никогда не была одинокой. И ты... вредила себе, – выдавливает из себя мать.

– Вредила? То есть наносила себе увечья по собственному желанию в четыре года? – Нервно издаю смешок.

– Нет, не увечья, – мотает головой Пэнзи. – Ты неслась куда-то и тебя потом искали, а ты объясняла это тем, что была с друзьями, играла с ними. Ты угодила раз под машину и тебя немного задело. Ты получила вывих ключицы и синяки. Тебе было четыре года. Потом ты начала сбегать из детского сада, потому что там было скучно, а с друзьями весело. Ты чуть не утонула в фонтане, когда сбежала из кафе, где мы праздновали мой день рождения. Последней каплей для родителей стало то, что ты забралась на крышу нашего дома, чтобы что-то увидеть. Тебе якобы подсказали друзья. Это и напугало их.

Шокировано смотрю то на брата, то на мать. Я никогда не слышала о подобном от отца. Он не говорил мне об этом.

– Это не шутка? – С ужасом шепчу я.

– Нет, это не шутка, Айви. Когда мы увидели тебя стоящей на крыше, то у меня началась истерика. Я так сильно испугалась, что больше не могла отмахиваться от странностей в твоём поведении. Нам срочно нужен был специалист, поэтому вы с отцом и переехали. Он водил тебя к психоте-

рапевту, и твои друзья исчезли. Ты больше не бросалась под машины, потому что увидела друзей и захотела с ними поздороваться. Ты не включала плиту, чтобы угостить друзей чаем и накормить их. Ты стала нормальным ребёнком. Да, ты была активна, но не так, как здесь. И мы посчитали правильным проверить эту теорию. В этом городе ты была не счастлива, что-то сильно удручало тебя, и ты выдумала друзей, а там же ты была нормальной, – она делает небольшую паузу, прочищая горло.

– Конечно, я винила себя в этом. Я боялась, что если мы появимся у вас или вы вернётесь сюда, то снова начнётся этот ад. Выбор был в пользу твоей жизни, а не моей любви к тебе. Я продолжала тебя любить, каждый раз слушая о твоих достижениях, и я не считаю, что поступила неправильно. Что-то здесь с тобой было не так. Может быть, ты высказывала какой-то протест против нас, может быть, ещё что-то, я не знаю, но с отцом ты начала жить нормально. И мы ждали каждый год, чтобы решиться снова встретиться. Ждали, боялись и откладывали этот момент. Поэтому я и попросила Пэнзи больше не писать вам, не общаться, чтобы тебя не тянуло сюда. Нам необходимо было достоверно убедиться, что ничего из прошлого не вернётся. Мы защищали тебя так, Айви. Не понимая от чего, но защищали. А сейчас ты уже очень взрослая и мы решили, что пора, хватит тянуть время и бояться. Если опять вернуться те страхи, твои страхи из детства, то ты нам скажешь, мы решим их, а жить без

тебя... не видеть тебя я больше не могу, как и твой брат. Мы страдали не меньше, чем ты, Айви. Но мы так боялись, что эти твои выдуманные друзья толкнут тебя в спину на очередной необдуманый поступок, и я потеряю тебя. Ты погибнешь... – голос матери начинает дрожать, как и её губы. Из глаз текут, не переставая, слёзы.

Я не знаю, что ей сказать, как и удручённому брату. Они ждут от меня какой-то реакции, а я просто в шоке. Я не помню ни друзей, ни то, о чём они рассказали. Они и меня заставили бояться саму себя. Это чертовски страшно и больно. Сейчас, глядя на них, внутри поднимается невероятная ярость.

– То есть, вместо того чтобы решать проблемы в то время, ты просто взяла и отошла от этих проблем? Ты спряталась здесь, словно ничего особенного не случилось? Ты оставила их решать одного отца и ждала подходящего времени? Ты издеваешься? – Зло цежу я.

– Айви, да послушай же, ты могла умереть! Ты вытворяла страшное! На моих глазах! Я была этому причиной! Не знаю почему, но именно я! И я защищала тебя от себя самой! Думаешь, я радовалась тому, что вы уехали? Радовалась, что, вероятно, никогда тебя больше не увижу? Нет! Я страдала! Я перестала нормально жить, а только думала о тебе! Я дочь потеряла! Дочь, которую безумно любила! Когда у тебя будут свои дети, то ты поймёшь, как это страшно и больно! – Кричит она, обвинительно тыча в меня пальцем. Я задыха-

юсь от такой наглости.

– Мама, успокойся, – рыкает на неё Пэнзи.

– Ты могла меня и не терять, знаешь ли! Ты могла взять задницу в руки и приехать, чтобы понять причину, почему мне так не хватало вашего внимания, раз я привлекала его своими поступками! А вместо этого, ты просто спряталась здесь и лишила меня брата! Ты разрушила нашу семью своими страхами и эгоизмом! А сейчас удивляешься, почему я не хочу тебя понимать? Да, не хочу, как и ты не захотела помочь мне и показать мне то, что любишь меня! Ты не задумывалась, что никто из нас не чувствовал твою любовь, потому что ты пропадала на работе, м-м-м? Да, папа мне рассказывал, что ты обожала свою работу, как и сейчас! Ты даже в декрете не была, потому что рвалась туда, а не к своим детям! Так, может быть, причина была, действительно, только в тебе, а? Не во мне, не в этом месте, не в обстоятельствах, а в тебе? Может быть, ты одна из тех женщин, которым просто нельзя иметь детей? – Выкрикиваю я, захлёбываясь кислородом.

– Айви... – шепчет с болью брат.

– И что ты ждёшь от меня сейчас? Понимания? Прощения? Чему? Твоей трусости? Ты испоганила три судьбы! Три! Мою, брата и отца! Ты ничего не лишилась, но зато лишила всех нас! Ты просто эгоистичная сука, вот ты кто, мама! Эгоистичная, самовлюблённая и циничная! У тебя была сотня шансов всё исправить, но ты трусливая стерва, кото-

рая и пальцем не пошевелила, чтобы это сделать! Нет! Я отказываюсь тебя понимать! Отказываюсь, ясно? Ты была для меня никем, такой и останешься! Но единственное, за что я тебе благодарна, что родила мне брата! Вот его любить я буду! – Срываюсь на бег и несусь к лестнице, слыша, как зовёт меня Пэнзи.

В моей груди клокочет невероятная ярость на неё. Как так можно? Это оправдание? Это жалкое подобие! Это не то, на что я рассчитывала, когда ехала сюда!

Влетаю в отведённую для меня спальню и хлопаю дверь. Жгучие слёзы тут же наворачиваются на глаза, отчего я едва могу дойти до кровати и упасть на неё. Закрываю лицо руками, горько плача от боли. Мне безумно стыдно за то, что я сказала ей на эмоциях, но не стыдно за то, что сделала это. Она должна знать, что её глупые отмазки никак не изменят моего отношения к ней. Я не могу поверить, что она настолько жестока была с нами. Я многое знаю о ней по рассказам папы, которые не хотела слышать, но всё же слышала. Она слишком любила свою работу и этот город, что решила обменять их на нас с ним, на нормальную семью. Вот... вот, что меня оскорбляет. Папа часто рассказывал, с каким упоением она работала и порой даже брала лишние смены, только бы подвернулся интересный случай, о которых она читала в учебниках. Она не хотела быть матерью, вот и всё. Не хотела быть моей матерью, а оправдания в том, что она якобы боялась из-за того, что я погибну, чушь. Откровенная

и наглая чушь, и я не прощу её за это. Она выкрутилась. Я не верю. Пусть меня сочтёт брат сумасшедшей, но не верю я ни единому её слову о том, как она страдала. Ни чёрта она не страдала!

Истерика меня изводит и лишает сил. Сухо всхлипывая, вытираю глаза и щёки, понимая, что я приехала сюда зря. Я надеялась на то, что она объяснит мне разумные причины, почему не смогла, что случилось с ней в прошлом, раз она даже не попыталась позвонить. Набрать чёртов номер и поговорить с дочерью. Наплела брату всю эту чертовщину ему. Она запретила Пэнзи общаться с нами. Запретила, словно мы изгой, потому что боялась? Чушь собачья.

Переодевшись в удобные джинсы и поло, зло пихаю свои вещи в сумку и смотрю расписание автобуса обратно. Он поедет только завтра утром. Да, я собираюсь домой. Здесь мне больше делать нечего. Уже ясно, что наши отношения с ней ничем хорошим не закончатся и даже не начнутся. А до своего отъезда я поживу в гостинице. Я не хочу видеть эту женщину. Не хочу.

Спускаюсь вниз и осматриваю дом. Кривлюсь от обиды и дёргаю головой. Да, это обидно! Это так обидно! Я не могу смириться с этим. Не в силах просто. Она отобрала у нас с братом нормальное детство и сломала нас внутри. Она. Для меня она просто чёртово зло!

Резко неприятное пищание разрушает мой внутренний гнев на мать, и я поворачиваю голову в сторону кухни. Иду

туда и нахожу пейджер Пэнзи. Да ладно? Он снова его забыл? Честно, это уже серьёзная проблема. Из-за неё. Тоже из-за неё.

Пейджер снова пищит и, видимо, что-то срочное, потому что там появляется номер «911». Хмурюсь, понимая, что Пэнзи необходима эта вещь и вспоминаю о том, что говорила Сью-Сью. Он в доме Уиллеров целый день. Выходит, мне придётся снова туда идти, чтобы отнести ему пейджер, а потом поговорить с ним и попросить его помочь снять номер в гостинице. Так и сделаю.

Оставляю сумку в коридоре и выхожу на улицу, где палит солнце. Оно ослепляет, и я щурюсь от яркости.

Моё подавленное состояние понемногу становится лучше, пока я неторопливо иду по дороге к особняку. Я оглядываю домики, природу и просто дышу свежим воздухом, пусть и жарким. И чем дальше я от дома матери и от неё самой, тем мне лучше. Не хочу туда возвращаться. Я бы осталась здесь ещё на пару дней, чтобы провести время с братом, но никак не с ней. Я не собираюсь позволять ей снова забрать у меня Пэнзи. Поэтому я останусь, но с ней общаться не буду. Не буду, и всё.

Зло пинаю калитку и вхожу на территорию дома.

Вчера в ночи я видела только сам факт того, что здесь есть особняк. Сегодня же я удивлённо замечаю, что он довольно большой и красивый, если за ним ухаживать. Плющ покрыл его полностью зелёным покрывалом с розовыми и белыми

цветами. И это смотрится очень интересно, сказочно даже, словно с картинки старинных особняков. Высокие колонны делают его ещё более утончённым и отличным от многих других домов, а арки напоминают мне сериал «Санта-Барбара», вызывая улыбку.

Разглядывая особняк, с грустью понимаю, что этому дому очень требуется уход, иначе можно потерять такое красивое место. Краску на фасаде необходимо обновить, подстричь газон и всё почистить. И этот дом станет жемчужиной города.

– Неужели, офицер полиции снова что-то забыл дома? – Вздрагиваю от приятного мужского тембра и опускаю взгляд к аркам на веранде, между которыми стоит мужчина.

Моё дыхание сбивается, и я чувствую, как мои щёки начинают полыхать от стыда и смущения.

Господи, это он. Вчерашний незнакомец.

Глава 7

Я хороша в общении с мужчинами. То есть, я умею с ними общаться и у меня были мужчины. Да, я не всегда относилась к ним с должным вниманием, но они зачастую пытались пригласить меня на свидание или флиртовать со мной, а я была занята достижением успехов в университете и на работе. Хотя выделяла время и для мужчин. Но в моей жизни ни разу не было странного незнакомца с русыми волосами и кристально чистыми голубыми глазами, от которых дух захватывает. И дело даже не в цвете глаз, а весь мужчина меня привлекает и очень сильно. Мне он нравится внешне и это вполне нормально, не так ли? Женщины иногда могут увлечься мужчиной, потому что он похож на чертову сахарную вату. А десерт – это то самое блюдо, от которого я никогда не отказываюсь.

Сегодня мужчина одет в обычную, хлопковую, белоснежную футболку, подчёркивающую его невероятно сексуальный торс и гладкую загорелую золотистую кожу, словно он долгое время работал в поле и косил траву или просто загорал обнаженным в этой самой траве. Не важно, ведь оба варианта могли бы стать довольно занимательным представлением для меня. Тёмные брюки облегают его длинные ноги, а на руке сверкают вчерашние часы. Видимо, он снял рубашку из-за жары, но так даже лучше обзор. Я не про-

тив. Мне всё очень нравится. Мой незнакомец хорошо выглядит. Не все мужчины могут выглядеть превосходно в простой одежде, а если это так, то уж точно обнаженным он может свести с ума.

Мужчина повторяет свой вопрос и спускается по ступенькам ко мне, пока я, как идиотка тупею перед ним, а в горле образуется сухость. Он приближается ко мне. Его волосы в свете солнечных лучей играют светлыми выгоревшими бликами. Мой пульс нещадно повышается.

– Ох, привет. Ты не поверишь, – отмирая, смущённо улыбаюсь и поднимаю руку с пейджером. Он смеётся и в уголках его глаз появляются мимические морщинки. Господи, он потрясающий. Что такой мужчина делает в этой дыре?

– Надо же, этот парень, действительно, очень забывчивый, да?

– Очень. Он ещё здесь? Я ведь снова не разминулась с ним?

– Здесь. За домом. Издеваются над природой, – мужчина указывает рукой назад.

– Отлично, потому что мне бы не хотелось носиться по всему городу, чтобы отдать ему пейджер. Да и время не хочу терять. Наверное, это отличный шанс с ним попрощаться...

Неожиданно лицо мужчины меняется и глаза начинают странно блестеть.

– Прощаться? – Переспрашивает он.

– Да. Сначала я думала, что задержусь здесь, чтобы с ним наладить отношения. Он мой брат. Мы не общались двадцать лет из-за нашей матери. Плохой разговор, потому что мне очень больно, и я закончу его прямо сейчас. Ещё не отошла от встречи с ней. В общем, я поняла только сейчас, что хочу домой. Хочу вернуться в свою нормальную жизнь и не пытаться наверстать то, что уже потеряно. Хотя пока я шла сюда, то думала, что скорее всего задержусь на два дня. Сейчас же не знаю, почему решение пришло так быстро. Наверное, это правильно. Вот бывает думаешь, размышляешь об одном, вроде бы убеждаешь себя, что это нормально, а затем в голове все проясняется. Это словно озарение... черт... я веду себя глупо. Господи, почему каждый раз, как я тебя вижу, становлюсь какой-то жалкой болтушкой, которая несёт чушь и выкладывает всё о себе и не самое хорошее? Ты не должен этого знать, – кривлюсь и чувствую себя душой снова.

– Но ты не можешь уехать. – Удивлённо смотрю на это потрясающее лицо.

– Не могу? Почему? Могу. Дом мой не здесь. Я живу...

– Это разве важно? – Он делает ещё один шаг и меня словно касается прохлада. Какой-то свежий аромат зелени и ветра. Это ещё больше озадачивает меня. Смотрю в его голубые глаза, темнеющие с каждой минутой и превращающиеся в штормовое небо. К слову, о небе, которое тут же затягивается неизвестно откуда взявшимися тучами.

– Эм... я... не понимаю. Я только хочу вернуть пейджер брату, и всё. Здесь меня ничего больше не держит. Я ошиблась...

– А я? – Теперь у меня не хватает воздуха в лёгких от его простого вопроса.

– Прости? – Пищу я.

– А я? Как же я? Неужели, ты не дашь мне возможность нормально познакомиться с тобой взрослой? – Он поднимает руку вверх, словно хочет коснуться моей щеки, но я отштытываюсь и во все глаза смотрю на этого странного мужчину. Какого чёрта? Нет, он, конечно, хорош. Очень хорош, но зачем меня трогать и намекать на что-то большее? Это тоже никуда не приведёт. А с меня боли достаточно.

От моего рефлекса мужчина поджимает губы, и его глаза становятся печальными. Солнце исчезает из-за туч и теперь мне не нужно щуриться. Реакция нового знакомого из-за моих слов довольно необычная и почему-то сейчас я так чётко вижу в нём одинокого мужчину, который потерял что-то важное сейчас, а я его сильно разочаровала своим отказом. Я не так глупа, чтобы верить в любовь с первого взгляда. Поэтому мне сложно понять, что происходит.

– Я ждал твоего возвращения так долго. Дни казались вечностью, и теперь я теряю тебя снова, – с грустью произносит он.

Что? Что это было?

– Прости? Ты меня ждал? Мы были знакомы? – Шепчу

обескураженно я.

– Да, но недолго. Тебя забрали у меня, и я не успел... ничего не успел. Я думал, что всё упустил. Ты была моим последним шансом, а потом стало снова темно и пусто. И вот ты снова здесь. Я не поверил своим глазам, когда увидел тебя вчера. Я всю ночь гадал: привиделось мне или же нет. А ты пришла сегодня и сделала меня счастливым. Так почему же ты забираешь это счастье? Я очень долго страдал в одиночестве, – его играющая разной тональностью речь буквально сбивает меня с толку. Ничего не понимаю. Абсолютно ничего.

– Хм... я... даже не знаю, что сказать. Я... не помню тебя. Да и не могу помнить, когда меня увезли, мне было пять лет. А ты выглядишь ненамного старше меня...

– Мне двадцать семь, – вставляет он.

– Значит, тебе было примерно семь, когда меня увезли. Ты слишком драматизируешь или... прости, я не знаю, как реагировать на твои претензии, но ты мне нравишься. Клянусь, ты очень симпатичный мужчина и даже красивый. Я бы с радостью увлеклась тобой, если бы всё было иначе. Но меня не интересуют мимолётные интрижки, понимаешь? Я уверена, что у тебя нет проблем с женщинами. А я... чёрт, лучше найду брата, и мы закончим этот разговор. Он ведёт меня в какие-то опасные дебри, в которых я не хочу сейчас быть. Я просто не знаю, что говорить и начну нести очередную чушь, выставлю себя идиоткой, а потом захочу сгореть от стыда.

Я... пойду, – скуля от жалости к себе, прохожу мимо него.

– Я тебя потерял на двадцать с лишним лет, но в моём мире эти годы стали вечностью. Адом. А ты мой рай. Но я не могу заставлять тебя быть здесь, застрять, как я. Ты слишком хороша для этого места. У тебя, как и раньше, доброе сердце, но сейчас с глубокими ранами, как и у меня. И эти раны мы могли бы залатать друг другу. Я не хочу тебя пугать. Никогда не хотел. Прощай, малышка. – В моей груди всё переворачивается от его голоса. Это психологическое давление. Я быстро его распознаю, но оно мне нравится сейчас. Это так мило и чувственно. Со мной никто так не говорил. Никто из мужчин не убеждал меня, что я важна для него с первой встречи. А этот человек незнакомец для меня, но я для него больше, чем сорняк.

– Ты риелтор, да? – Нахожу в себе силы и оборачиваюсь.

– Что ты сказала? – Он резко прищуривается и приближается ко мне.

– Ты работаешь риелтором на семью Уиллеров? Сью-Сью упоминала, что этот дом собираются выставить на продажу и сюда приедет представитель этой семьи. Ты постоянно здесь, поэтому я и сделала такой вывод, – объясняю я.

– Мне нужно идти. Задержись на ещё одну ночь, я тебя найду. Задержись, малышка, ты нужна мне, – незнакомец внезапно разворачивается и сбегает по крыльцу вниз. Он исчезает за углом, оставляя меня в полном недоумении. Неужели, он так оскорбился, что я угадала, кто он? Стран-

но. Очень странно. Да и давать оценку его последним словам мне что-то не хочется. На самом деле я смущаюсь, потому что он так откровенно высказывает свою симпатию ко мне, как будто это нормально.

Меня словно стукнули по затылку и выбили все разумные мысли. Я бреду по крыльцу, огибая дом по всей площади машинально, постоянно прокручивая разговор с незнакомцем. Откуда ему знать о моих ранах? И почему он утверждает, что ждал меня двадцать лет? Зачем я ему? Нужна? Чёрт, всё становится более непонятным, но хотя бы мне не больно, это уже прорыв.

– Мисс! – Подпрыгиваю на месте от резкого мужского голоса и оборачиваюсь. Ко мне быстрым шагом поднимается на холм мужчина в полицейской форме.

– Привет, я ищу...

– Мисс, я прошу вас покинуть частную территорию. Здесь вам не место. Это не музей, – резко и довольно грубо перебивает меня. Мужчина одного со мной роста, а вот незнакомец выше, и это довольно удобно для поцелуев. Какие к чёрту поцелуи? Надо собраться с мыслями и посмотреть на ещё одного человека. А он явно недоволен моим видом и мной, вообще.

– Хм, я бы и рада уйти, но не могу. К слову, я знаю, что это не музей, и я точно не туристка. Я ищу Пэнзи. Пэнзи Бранча. Он забыл снова дома пейджер, – сухо объясняя, демонстрирую гаджет. Мужчина хмурится и переводит взгляд

на мою руку.

– Дома? Забыл у тебя дома? – Чуть ли не рычит он, наступая на меня.

– Не у меня, а у нас. Хотя это не мой дом, а его и этой женщины. Терпеть её не могу. Сейчас я зла и не хочу о ней говорить. Но он забыл его, я принесла, чтобы у него не было проблем. Он очень забывчив, так и голову свою где-нибудь оставит. В общем, мне нужен Пэнзи.

Карие глаза сужаются, и этот нахал грубо хватает меня за локоть.

– Слушай сюда, городская штучка. Я не знаю, что ты удумала здесь и какого чёрта находишься дома у Пэна, но я не позволю тебе разрушить его жизнь, ради развлечения. У него есть невеста, поняла? А теперь проваливай отсюда, – он пихает меня, выхватывая пейджер. Зло поправляю футболку и смиряю этого козла взглядом.

– Ещё раз рискни такое мне сказать, и я тебе зубы выбью, понял? Я не знаю, что ты там себе напридумывал, деревенский придурок, но я не дам тебе так со мной обращаться, ради бреда в твоей голове, ясно? А теперь свали с дороги, я встречу с Пэнзи, – холодно отвечая ему той же невоспитанностью, прохожу мимо и пихаю его плечом.

– Я арестую тебя...

– Джим! Я же попросил принести воды. Тебе это сложно сделать? – Его перебивает возмущённый крик Пэнзи, и мы оба ждём, когда он подойдёт к нам. Лицо брата вытягивается

при виде меня.

– Ты забыл пейджер. Я решила его принести сюда, Сю-Сью говорила о том, что ты будешь здесь целый день из-за труб. Пейджер у него, – говорю я, указывая на нахала сбоку.

– Вот чёрт. Плохая привычка, надо уже отвыкать от неё, но спасибо, – брат трёт взмокший лоб и натягивает улыбку.

– Ты знаешь её, Пэн? Ты что, рехнулся? У тебя свадьба на носу, – возмущённо шипит Джим, как я теперь знаю.

– Он думает, что я твоя любовница, и ты забыл пейджер, пока трахался со мной, – спокойно объясняю я. Оба мужчины так резко краснеют, а я понимаю, что была очень груба и не подбирала выражений. Чёрт... теперь и я краснею.

– Эм, это моя сестра. Младшая сестра. Она приехала в город только вчера, и я с ней... Джим, тебе что, нечем больше заняться? Придурок, – Пэнзи толкает в бок, видимо, друга. Недалёкого и паршивого фантазёра, я бы сказала.

– Боже, прости. Я подумал... она такая... сестра? То есть сестра? Та самая...

– Только не говори, что мы с тобой тоже были знакомы, – прошу я. Мужчина широко улыбается, и его лицо преображается. Он кивает.

– Конечно, были. Мы жили по соседству, хотя и сейчас живём там же, и часто играли вместе. У меня есть фотографии...

– Господи, вот у всех есть фотографии со мной, кроме меня. Что за напасть-то? Все меня знают. Все меня ждали.

Чувствую себя какой-то порнозвездой с грязной историей, которую теперь каждый обвиняет в том, насколько она стала стервозной сукой и хочет вернуть на верную тропу. Попахивает ужасной драмой или чёрной комедией. В любом случае не люблю ни один, ни второй жанр, – бубню я, недовольно глядя на обоих.

– Хм, ладно, не буду предлагать тебе это развлечение. Оно тебе явно не понравится, – медленно произносит Джим.

– Спасибо, а сейчас не оставишь меня наедине с моим братом? – Выделяю окончание предложения, едко напоминая ему, что мы не любовники. Мужчина снова краснеет и кивает. Он уходит обратно в изменность.

– Я бы хотела тебя попросить об услуге, Пэнзи. Не хочу оставаться в доме из-за того, что случилось, да и... всё так паршиво произошло. Поэтому ты можешь...

– Мистер Бранч, мы ждём вас! – Кричат брату и тот оборачивается.

– Давай, обсудим всё вечером, ладно? Я понял, что тебе некомфортно быть с матерью наедине в доме, поэтому предлагаю тебе поехать к Сю. Хорошо? Тем более, вы договаривались о встрече, она писала мне об этом. А потом мы встретимся в баре и поговорим, хорошо? Мне нужно идти. Решить эту проблему с трубами, иначе весь город может остаться без воды.

– Боже, что с ними случилось? – Ужасаюсь я.

– Старые, пора менять, а без разрешения владельцев

этой земли, мы это сделать не можем. Поэтому приехал их представитель, теперь начала тянуться бумажная волокита, потому что основные трубы проходят именно под домом и на этой территории. В низменности у реки осела немного земля и это вызвало проблемы. То ещё удовольствие, но без меня город не может получить разрешение. Я представляю интересы города и...

– Мистер Бранч, я не буду здесь жариться целый день! Это вам нужно, не мне!

Брат раздражённо передёргивает плечами и оборачивается.

– Уже иду! – Кричит он.

– Болван высокомерный. В общем, побудешь со Сью, а потом выпьем в баре, да? Прости, мне, правда, уже надо идти. И... не переживай, мы справимся. Я обещал, что буду рядом и я буду рядом. Я буду поддерживать тебя, сестрёнка. До вечера, – он целует меня в лоб и быстро уходит, а я тяжело вздыхаю оттого, что не удалось объяснить брату, как мне сложно здесь находиться, хотя...

Оборачиваюсь к дому и осматриваю его задумчивым взглядом. Мне, конечно, очень льстит, что тот красавчик был так опечален моим отъездом и даже не скрывал своей симпатии, но так в лоб никто не говорит о своих желаниях. Люди всегда врут. Они боятся быть честными в этом мире. Они боятся, что им будет больно из-за честности, поэтому ложь стала нормой. Но не у этого мужчины. Он другой.

Странный, конечно, но он мне нравится. А я уже давно не ходила на свидания, я не помню, когда в последний раз у меня был секс и в принципе, почему бы и нет? Автобус всё равно будет проезжать город завтра и у меня есть ещё время, чтобы больше узнать о тех, кого я не помню. К тому же, среди всего этого бедлама вокруг и непонимания, я не вспоминаю, как мне больно оттого, что моя мать лживый человек и даже не нашла в себе храбрости признаться, что я ей никогда не была нужна. Она избавилась от меня самым удачным способом и выдумала то, что сильно повлияло на меня. Да, так и поступлю.

Обхожу снова дом и останавливаюсь у крыльца в надежде снова встретить незнакомца, о котором слишком много думаю. Прямо сейчас тоже. Я вглядываюсь в окна и жду, когда он появится опять внезапно рядом и скажет что-то такое, от чего я забуду всю нормальную человеческую речь.

– Привет ещё раз, – взвизгиваю от голоса сбоку и прикладываю руки к груди. Разочарование постигает меня.

– Привет, Джим. Я уже ухожу, не начинай, – фыркая, разворачиваюсь и бреду по дороге к воротам.

– Нет, подожди. Пэн попросил меня подвезти тебя к салону Сюю, – замираю и бросаю на него недоверчивый взгляд из-за плеча.

– Или ты хочешь вывезти меня из города, до сих пор считая, что я любовница своего кровного брата, – ехидно отвечаю я.

Мужчина смеётся и качает головой.

– Прости за это. Просто у нас редко бывают городские. То есть из большого города. Да и додумал не то, что следовало. Ты красивая девушка и твои слова... в общем, ни один нормальный мужчина точно не оставит пейджер на столе просто так, – он тушуетса от своих слов, вызывая у меня улыбку.

– Ты фантазёр, причём довольно дерьмовый, – хихикаю я.

– Наверное. Так я могу подбросить тебя до салона?

– Было бы отлично, потому что я не знаю, где он, а идти пешком не самая удачная идея. Раз у вас такое странное отношение к новичкам, не хочу, чтобы меня линчевали. – Джим смеётся, и я вместе с ним. Тучи вновь сгущаются над нашими головами.

– Эта погода в последнее время как будто издевается. Никогда ещё не было таких жутких аномалий, – замечает Джим.

– У нас это нормально. Так что, вероятно, жизнь вас готовит не к сказке, а к реалиям жестокого мира, – усмехаюсь я.

– Надеюсь, что нет. Нам достаточно странностей в этом городе, – качает головой Джим и в этот момент над нами сверкает молния, а потом раздаётся оглушительный гром. Охаю от ужаса, потому что ни разу не слышала подобного.

– Надо скорее уезжать, пока дождь не начался. Выходи за ворота, и я подгоню машину к ним! Я быстро! – Кричит Джим и бежит за дом.

Поднимаю голову к небу и хмурюсь. О каких странностях он говорил? По крайней мере, у меня будет время узнать

об этом.

В последний раз бросаю взгляд на дом и, кажется, вижу тень в окне на втором этаже. Я улыбаюсь ей, считая, что это мой незнакомец. Поднимаю руку и машу ему, но тень исчезает. Тучи так же внезапно, как и появились, расходятся, а солнце вновь бьёт по глазам.

Глава 8

– Итак, значит, мы были знакомы? – Нарушаю ставшее уже неприятным и напряжённым молчание в машине.

Джим взволнованно улыбается мне и кивает.

– Ты таскалась за Пэном, я таскался за вами, а за нами таскалась Сю, – говорит он.

– Надеюсь, что больше никто за нами не таскался, иначе я свихнусь оттого, что мне постоянно приходится объяснять всем свой возраст пяти лет и то, что я ни черта не помню, – усмехаюсь я.

– Вообще-то, детей всегда было много. Большинство до сих пор здесь, продолжают дела своих родителей, кто-то уехал в новый «Санни».

– Новый «Санни»?

– Да, за холмом. Где мы находимся сейчас это старая часть города, есть новая, она в три раза больше этой и там живут те, кто успел заработать много денег.

– Как мэр города? – Интересуюсь я.

– Именно, но не только он. Некоторые из наших тоже строили там дома и перебрались туда, а сюда ездят на работу. Также там есть своя больница, детский сад, школа и магазины, но всё более... современно. В нашем городе старый уклад жизни. Здесь спокойнее и нет той гонки, что у них. Они всегда бегут куда-то, соревнуются в новизне гаджетов,

у нас всё куда проще и добрее. Искренне, понимаешь? Поэтому мы выбираем эту часть города, потому что она ближе нам по духу. Помимо этого, в новой стороне много приезжих, там активно развиваются разные отрасли. Особенно добыча угля. Ты помнишь ведь историю появления «Санни-Хиллс»?

– Нет, я учила историю Америки, а не маленьких городков из своего детства. Но мне будет очень интересно послушать, – мотаю отрицательно головой.

– В общем, всё началось с угля. За холмом построили шахты и люди решили, что будет разумно обжиться именно здесь, чтобы очищать кровь после вахты и не находиться близко к ним. Затем город перестал вмещать в себя людей и на той стороне тоже стали строить дома. Шахта закрылась, но открылась новая в пяти километрах от холма пятьдесят лет назад. А потом... хм, из-за странностей, которые происходили в доме Уиллеров и свихнувшейся миссис Уиллер, многие их соседи быстро продали землю Уиллерам и переехали в новую часть города. И не только они, но и обычные горожане.

– А что за странности? – Удивлённо и в то же время довольно заинтересованно поворачиваюсь к Джиму.

– Ерунда это, а не странность. Угрожающие надписи на стенах внутри дома, разбитые окна и другая чушь. Миссис Уиллер сошла с ума, и сама это сделала, это моя догадка. Я считаю, что это утка, обман, чтобы развить новую часть

города, которая перестала заселяться, потому что все больше ценили искренность и уют у нас. Семья Уиллеров была одной из самых богатых среди нас, хотя они такими и остаются до сих пор. Старший Уиллер был врачом, но отошёл от практики и занялся административными делами и продажей недвижимости, застройками и закупкой строительных материалов. У них сейчас большой магазин, на самом деле очень хороший, но дорогой. – Джим сворачивает на небольшую улицу, делая паузу.

– Новая часть города была практически не заселена, а он в своё время выкупил приличные акры земли по дешёвке и настроил там коттеджи для аренды шахтёрами. Они же, в свою очередь, жили или в палатках, или у нас. Цены здесь были ниже. Поэтому прибыли у Уиллера не было, а вот как только начали якобы происходить странные вещи в доме Уиллеров, то тут же его бизнес пошёл в гору. Он не завышал цен, конечно же, но был в огромном плюсе. Коттеджи были выкуплены моментально. Благодаря резко повысившемуся интересу на землю в той части, он начал строить новые дома и расширять ту часть города, и это на старом городе сказалось не очень хорошо. Доходы упали, как и продажи, потому что туда приехали хорошие специалисты и, конечно, уровень жизни там стал выше, чем у нас. В общем, странно-сти в доме – уловка, чтобы разбогатеть, вот и всё, – в голосе Джима слышится обида и злость на обычную конкуренцию между городами.

– И здесь всё стало очень плохо? – Спрашиваю я.

– Не плохо, но могло быть и лучше. Все стремятся детей отдать в те школы, потому что у них новые компьютеры, лучшие учителя и образование сильнее, хотя и у нас тоже очень хорошее. Пусть наши учителя не получают грамот и не ездят на конференции, но меня ведь выучили, как и ещё сотню ребят. Сейчас у нас небольшой застой. Мы справляемся своими силами, помогаем друг другу и не собираемся бросать эту часть города. Здесь нам хорошо, а вот салон Сью процветает на два города, – гордо говорит он.

– Потому что её отец мэр обоих городов, и он не позволил никому конкурировать с его дочерью? – Едко хмыкаю я.

– Эм... нет, Сью молодец. У неё нет конкурентов, – мямлит Джим.

– Слушай, ты же не идиот, ты понимаешь, что я права. Не волнуйся, я не осуждаю. Я бы то же самое сделала для своего ребёнка, будь у меня столько власти. Это нормально, и я рада тому, что у Сью-Сью нет конкурентов, она может быть самостоятельной женщиной, которая не висит на шее у мужа. Это довольно хорошее качество для женщины. – Джим расслабляется от моих слов и улыбается.

– Значит, ты тоже самостоятельная женщина, Айви? – Он бросает на меня игривый взгляд.

– Да. Я зарабатываю с университета сама, хотя живу в доме отца, но сама оплачиваю все счета. Необходимо быть финансово независимой, как от родителей, так и от мужчины,

иначе это рабство. А в мире давно уже равноправие, – сухо отвечаю я.

– То есть ты из этих феминисток, которые борются за женскую силу возмездия мужчинам? – Смеётся Джим.

– При чём здесь, вообще, возмездие? Я не феминистка, но и не позволю, чтобы принижали мои умственные способности из-за того, что я женщина. И я ни за что не борюсь, я просто живу и работаю, вот и всё, – отрезаю я.

– И тебе не нравится у нас, да? Слишком по-деревенски? – Печально подмечает Джим. – Наверное, ты считаешь нас пустоголовыми простаками.

– Ох... нет, я не специально так назвала тебя, просто ты меня обидел тем, что решил, что я любовница Пэнзи. Но я... нет, конечно, нет. Я не считаю вас простаками. Вы просто радуетесь своему укладу жизни, а я не против, – кусаю пристыженно губу, а Джим отвечает мне мягкой улыбкой.

– Но мы тоже умеем веселиться. Пэн сказал, что сегодня вечером мы все собираемся в баре, чтобы отметить твой приезд.

– Я думала, что это будет только наша встреча с ним, – шепчу я.

– Чёрт, я не хотел тебя расстраивать, Айви, – широкая ладонь Джима ложится на моё плечо, и он трясёт меня, словно я большой парень и его друг. Озадаченно смотрю на него. Он быстро осознаёт, что перешёл границы моего личного пространства и, тушуясь, убирает ладонь.

– Прости, я... пытался тебя подбодрить. С нами не скучно, тем более когда-то мы дружили. Вообще, ты была моей первой любовью. – Шокировано приоткрываю рот.

– Что? – Выдыхаю я.

Джим смеётся и кивает несколько раз.

– Ага. Мама рассказывала, что я таскался за вами с Пэном, потому что считал тебя своей невестой и думал, что должен тебя защищать. Я мнил себя твоим рыцарем, и я тебе тоже нравился. У меня есть фотография, где ты меня целуешь в щеку, а я красный, как помидор, – хохочет он.

– О господи, какой ужас. Сожги эти фотографии и никому не показывай, – улыбаюсь я.

– Ни за что. Это моё прошлое, и оно было замечательным. Ведь это здорово, когда прошлое становится настоящим. Я рад, что ты вернулась, Айви. Я часто думал, что с тобой стало. Пэн не рассказывал о тебе никогда. К слову, мне очень жаль, что твои родители так и не смогли нормально договориться о совместном будущем, – сочувственно произносит Джим. Натягиваю грустную улыбку и отворачиваюсь к окну.

Остальной путь мы проводим в молчании, да и не путь вовсе, каких-то пять минут, пока Джим не останавливает машину перед салоном красоты «Чудеса». Вокруг вывески разбросаны разноцветные звёзды, а сам салон выглядит, как с картинки восьмидесятых.

Выхожу из машины и Джим тоже. Он неожиданно хватается меня за руку и сжимает мою ладонь. С ужасом перевожу

на него взгляд.

– Надеюсь, что ты простишь меня за сегодняшний инцидент. Я не такой придурок, каким показался. Встретимся вечером и я угощу тебя пивом, Айви. Ты узнаешь меня лучше, а я тебя, – он чмокает меня в щеку и подмигивает. Какого чёрта?

Но пока я обдумываю произошедшее и явный флирт со мной, Джим уже скрывается в машине и уезжает, оставляя меня одну на тротуаре.

Мотаю головой, чтобы сбросить с себя недовольство. Надо будет предупредить его, что я в нём не заинтересована и я не его первая любовь. Какая гадость.

Мой взгляд проходит по теперь уже работающему фонтану, и я улыбаюсь. Неизвестно откуда взявшийся порыв заставляет меня перебежать улицу под недовольные клаксоны автомобилей, но мне всё равно. Я просто иду к старому, мраморному фонтану без каких-либо фигур. Брызги попадают на мои джинсы, и я отскакиваю. Наверное, я помню его, раз в груди появляется тепло. Вероятно, мы тоже здесь проводили много времени. Пальцами касаюсь мрамора и отчего-то очень хочется сладкого. Мороженого. Поднимаю взгляд выше и вижу кафе, где крутится рожок. Да, я это помню. Точно. Я была здесь...

– Айви! – Вздрагиваю, когда меня окликают и быстро выпрямляюсь.

Сью-Сью машет мне рукой в ярко-розовом рабочем ко-

стюме, и я иду к ней. Перебегаю дорогу, и она обнимает меня.

– Мне так жаль, дорогая, но нет ничего, что не может поправить мой салон. Я уже знаю о встрече с Терезой. Пошли, – она тянет меня за руку внутрь.

Мне неприятно, что она уже в курсе о ссоре с матерью и, вообще, в курсе наших отношений. Пэнзи, видимо, всё доложил ей и теперь она будет вести себя так, словно моя близкая подруга. Я жалость ненавижу и уж точно не хочу, чтобы она меня жалела. Со мной всё в порядке. Будет в порядке, когда я уберусь отсюда.

Осматриваю, действительно, битком забитый небольшой салон и удивлённо сажусь в крутящееся кресло.

– Итак, Айви, отдашься моим рукам? – Сью-Сью воодушевлённо распускает мои волосы по плечам, и я тяжело вздыхаю.

– Думаю, мне это и, правда, нужно. Развлекайся, только никаких цветных прядей. Никаких, – предупреждаю её. Она заливается смехом и кивает мне.

– Я тебя поняла.

Она разворачивает меня лицом к себе и тащит меня вместе с креслом к мойке.

– Расслабься, Айви, люди будут на тебя смотреть, а потом ты привлечёшь ещё больше внимания. Я уверена, что ты останешься с нами, найдём для тебя шикарного мужчину. А у нас их очень много, – хихикает Сью-Сью. Криво улыба-

юсь ей, стараясь быть вежливой. Но посетительницы салона, в основном пожилые женщины, действительно, смотрят на меня и перешёптываются друг с другом. Это неприятно, и я уверена, что они перемыкают мне косточки.

На самом деле я не ходила в салоны, чтобы сделать что-то со своими волосами, да и маникюр, и педикюр всегда делала себе сама. Сью-Сью угадала, я очень готовилась к этой поездке, и она пока не оправдала ожиданий, но в её руках я отпускаю проблемы. Сью-Сью умело делает мне массаж головы, пока моет мои волосы, от которого я готова замурлыкать. Это потрясающе. Её пальцы медленно касаются кожи моей головы и надавливают на нужные точки, словно стирая из моего разума все проблемы.

Пока я сижу в кресле, просматривая журналы, а Сью-Сью занимается завивкой волос клиентки, она мило общается со всеми. Хотя некоторым я бы дала под зад. Эти пожилые женщины полны яда и скуки в своих жизнях, поэтому постоянно спрашивают её о каком-то бывшем, словно она не собирается замуж за моего брата. Но Сью-Сью спокойно напоминает им, что она давно уже любит другого мужчину и повторяет имя Пэнзи. Она говорит это с улыбкой, но уверенно, пока не смотрит на меня, замечая, что я наблюдаю за ней. Тогда её глаза становятся грустными и мне жаль девушку. Она тоже заточена в собственные кандалы. Точнее, те, что ей навязали и всё никак не может выбраться из них, доказать всем, что она уже взрослая и вполне сама может принимать

решения.

– Я знаю, что ты спросишь про Дрю, – мрачно произносит она, возвращаясь ко мне.

– Пэнзи в курсе? – Интересуюсь я.

– Да, конечно. Он знает Дрю и терпеть его не может, как и я. Тот ещё козёл. Дружок Сойера, – фыркает Сью-Сью. Вау, это первый раз, когда она злится. Надо же. Это уже интересно.

– Ты любишь моего брата, а прошлое не так важно. Все совершают ошибки, – произношу я. Наши взгляды в зеркале встречаются, и она благодарно улыбается мне.

– Я так рада, что ты не осуждаешь меня. Я была глупой и считала, что должна следовать всем желаниям родителей. Они видят его до сих пор моим будущим мужем, но не я. Да, я была с ним помолвлена, но он мне изменял. Постоянно. Я прощала, потому что дура, а потом мне надоело, что никто не видит меня, как личность, даже мои родители. Все видели его, а потом меня, как его вещь. Это обидно и противно. Я собрала вещи и съехала от него к родителям. Но и там не было спокойствия, тогда я решила послать всё к чёрту. Я так устала быть примерной, тихой и хорошей. Я никогда не думала о себе, поэтому и уехала в большой город, чтобы начать новую жизнь. Там меня обокрали. Я сидела и плакала, когда ко мне подошла женщина и предложила кров и еду за работу. Я согласилась, потому что не собиралась возвращаться сюда с проигрышем. Она как раз держала небольшой салон красо-

ты и это стало моей страстью. Я обожала проводить там время, я начала зарабатывать больше и пошла учиться. Потом вернулась сюда и арендовала это место. Было сложно, потому что никто не хотел воспринимать меня всерьёз. Все говорили: «Хватит маяться дурью, Дрю ведь тебя любит и ждёт», «Как ты могла бросить такого парня?», «Когда вы придёте к нам на чай?». В общем, жители города долгое время видели нас с ним вместе, как и он даже не хотел понять, что я больше не принадлежу ему, – Сью-Сью делает паузу, а я начинаю её уважать за то, что она выбралась из таких токсичных отношений.

– А потом я встретила Пэна. Нет, я знала его, но мы были в разных компаниях. Точнее, я старалась никуда не ходить, чтобы снова не объяснять всем, что мы с Дрю расстались. Это утомляло и злило. Пэн даже раз набил Дрю морду, – гордо заявляет она.

– За что? – Удивляюсь я.

– Дрю снова приехал ко мне, а я как раз собиралась на свидание с Пэном. Он хотел подстричься, как и раньше. Он начал приставать ко мне, откровенно лапать и тогда появился Пэн. Он врезал ему и вышвырнул отсюда, обещая, что весь город узнает о том, что он изменял мне. Потом Пэн подошёл ко мне, шокированной сценой драки, и обнял. Он просто обнимал меня, а я от понимания, как сильно люблю его и боюсь потерять из-за этого придурка Дрю и слухов, расплакалась. Кажется, что я любила его всегда, даже в школе.

Я убежала, когда он появлялся. Я минимизировала общение с ним, чтобы не смотреть на него. Он восхищал меня, считая поверхностной и зазнавшейся стервой. А потом я как-то забыла об этом, у меня были свои проблемы, пока мы снова не встретились, уже готовые любить друг друга. Я думаю, что всем нужно время на принятие любви. Иногда люди проходят мимо друг друга, а потом вновь встречаются и всё меняется. Они уже знают, что такое боль и разочарование. Жизнь специально забирает у них что-то, а отдаёт другому, чтобы в один прекрасный момент эти двое людей смогли слиться воедино, – улыбаюсь от слов Сью-Сью. Она такая миленькая, особенно, когда на щеках появляется румянец, и она говорит эти глупости. Но это её глупости, которые любит мой брат. И я понимаю, за что он её любит. За силу, за характер, за бесстрашие, за ласку. Они всегда были рядом, но не знали, что им следует сделать всего лишь шаг.

– Я видела, что тебя привёз Джим, – моргаю от голоса Сью-Сью. Она снова моет мои волосы после краски без аммиака. Она решила, что это необходимо для меня. Моим волосам нужен естественный блеск.

– Да. Он посчитал, что я любовница Пэнзи. – Мы обе смеёмся.

– Джим лучший друг Пэна, поэтому он всегда ревностно относится к красоткам, которые появляются рядом с ним. А их бывает много.

– Правда?

– Ага, у нас в городе много красоток. Одиноких красоток, с которыми мы учились, – кивает Сью-Сью. – Но он ни с кем не встречался. Была одна, Симона, но это было ещё в старших классах и то, это она за ним таскалась, а не он за ней. Она всем говорила, что они пара, а Пэн даже не обращал на это внимания. Та ещё стерва, теперь она виснет на Джиме и считает, что он сделает ей предложение.

– Один из тех самых типов, – замечаю я.

– Точно. Они всегда есть. Раздражающий тип красотки, считающей, что её все хотят. Клише, – равнодушно пожимает плечами Сью-Сью.

– И она придёт сегодня в бар. Вряд ли такой тип не захочет посмотреть на соперницу, по её мнению, – кривлюсь я.

– Именно так, поэтому мы ей утрём нос. Она думает, что знает всё о моей работе и демонстративно игнорирует мой салон, а у неё волосы все сожжённые. Гадость. Солома на голове, и я жду, когда она прибежит ко мне, чтобы я сделала для неё парик, – наклоняясь ко мне, шепчет она. Прыскаю от смеха.

– А ты коварна.

– Я просто помню, как она решила забраться в трусы к Пэну, когда он был в баре один после моего отказа выйти за него замуж. Нет, конечно, он её послал к чёрту, но я помню. Да-да, я всё помню. В трусы к моему жениху могу лазить только я...

– Фу, прошу, без этих подробностей, – скулю я с отвраще-

нием. Сью-Сью хихикает и набрасывает мне на голову полотенце.

– Поэтому мы сегодня будем настолько коварными, насколько это возможно. А Джим потеряет дар речи, когда увидит тебя, Айви.

– Хм, не надо сводничать, – прошу её.

– Но вы любили друг друга...

– И ты туда же. Мне было пять лет, чёрт возьми.

– Ну и что? – Удивляется Сью-Сью. – Я же говорила, любовь умеет ждать. И вот вы снова встретились. Это знак судьбы, Айви, не упusti его.

Хочу ей ответить, что это чушь, но перед глазами всплывает улыбающееся лицо незнакомца.

Никогда не верила в знаки. А теперь хотела бы поверить, потому что единственный мужчина, который вызывает во мне трепет, это именно он. Тот самый незнакомец с невероятно прекрасными глазами на свете, в которых кипит небесная жизнь. Да... именно он делает меня идиоткой. А если женщина превращается в глупую провинциалку рядом с мужчиной, то это, определённо, тревожный звоночек.

Интересно, а он придёт сегодня в бар? Если это самое популярное место и там все собираются нашего возраста, то он должен быть. Вероятно, я пересмотрю своё отношение к посещению бара.

Глава 9

– Я уверяю тебя, что ты должна надеть это платье, – Сю-Сю тычет мне в лицо чёрным ультракоротким платьем, а я отмахиваюсь от неё.

– Ты ниже меня и это будет кофтой на мой рост. Я останусь в своей одежде, – мотаю головой и делаю шаг, чтобы убежать куда-то, но в тесной каморке на втором этаже её салона это сделать попросту невозможно.

Квартира Сю-Сю – это очередной склад вещей. Начиная от одежды, пестрящей своими цветами и больше подходящей для девочки десяти лет, заканчивая фигурками, сухими букетами, какими-то магическими шарами и другой ерундой. Даже плита завалена тряпками. Это ужасно и теперь я понимаю, что не только мать собирает всё подряд, но и каждый здесь. У них это какой-то странный пунктик копить вещи.

– Ладно, но хотя бы кофточку, – тянет Сю-Сю, выгребая из-под завалов одежды в её шкафу яркую красно-оранжевую блузку.

– И всё же я выбираю своё, – заключаю я.

Она обиженно сдувает красную прядь волос и плюхается на пол, выпячивая губы.

– Твоя одежда слишком консервативна, Айви. Ты не сможешь завлечь мужчину, – замечает она.

– Это и не входит в мой план. Да и если мужчина клюёт на кофточки, то уж точно это не мой мужчина. Послушай, Сью-Сью, я безумно благодарна тебе за то, что ты для меня делаешь. Я в восторге теперь от своих волос и от формы бровей...

– Ты даже эпиляцию мне не дала сделать, – расстроено вставляет она.

Ещё чего! Раздвигать ноги перед незнакомой женщиной? Увольте. Правда, это ведь личное.

– С этим порядок, заверяю тебя. Поэтому не переживай так. Всё будет хорошо, так что одевайся и пойдём. Уже половина десятого, – прошу её.

Она тяжело вздыхает, принимая поражение, и неожиданно стягивает с себя футболку, обнажая грудь.

– Чёрт, – шепча, поднимаю глаза в потолок.

– Ты слишком стеснительная, Айви. У меня нет ничего отличного от твоего, – хихикает Сью-Сью.

– Ага, – бормочу я. Никакого стыда. Что с этой девушкой не так?

– Слушай, я могу кое о ком спросить? – Интересуюсь я, пока она голая перебирает вещи и примеряет их, а я изучаю потолок.

– О-о-о, о кое-ком? Это уже интересно. А говорила, что мужчины не входят в твои планы. Это Джим? – Заинтриговано спрашивает она.

– Нет, это не Джим. В общем, ты знаешь одного мужчи-

ну? Ему двадцать семь лет, русые волосы, с золотистым отливом и немного выгоревшие, голубые глаза, но больше тёмно-синие, даже с серым отливом, высокий и очень красивый? У него светлая щетина, идёт в рыже-каштановый и есть мускулы. Но он не качок, знаешь. Поддерживает свою шикарную форму. Он явно хорошо зарабатывает. У него дорогие платиновые часы. Никого не напоминает? – С надеждой опускаю голову. Сью-Сью, уже одетая в красное платье, едва прикрывающее её ягодицы, хмурится.

– Не могу вспомнить. Ты встречала его здесь? – Уточняет она.

– Да, хм... по пути к дому Уиллеров. Он убеждён, что мы знакомы. Мы тоже с ним общались, когда я была маленькой.

– Возраст, как у Джима, может быть, Эдгар? У него короткие волосы?

– Нет, они удлинённые и лежат красиво так, как будто он их укладывает.

– У Эдгара короткие, он практически лысый. Дай подумать, – Сью-Сью прикладывает палец к губам и стучит по ним.

– Кенни? Он ниже тебя?

– Выше.

– Тогда не он, да и Кенни женат. Не знаю, Айви, под твоё описание не особо кто-то подходит. Не могу припомнить никого, но если этот мужчина шёл из города, то может жить в новой части, а там чёрт ногу ломает. Но ты говоришь, что

вы знали друг друга. Выходит, он местный, и, вероятно, мы были в одной компании. Хотя он шёл из города, значит, он переехал в другую часть города и работает там. Нет. Ничего на ум не приходит, – пожимает плечами Сью-Сью.

– Жаль, – цокаю и бросаю взгляд на окно.

– А он тебя сильно заинтересовал, да? Ты из тех, кто ничего о себе не рассказывает. Особенно, о личном. Мужчины для тебя личное, а ты поделилась со мной. Он тебя зацепил, да?

– На самом деле да. Я веду с ним себя, как полная идиотка, а он такой... не знаю даже, как описать. Первый раз я путаюсь в словах и мне приятно смотреть на мужчину. Очень приятно. С ним комфортно находиться рядом. Я выставила себя дурой несколько раз, но он ещё не сдал меня в психиатрическую клинику, значит, это его не особо испугало. Сначала я сказала, что у меня глаза цвета болота с дерьмом, а во второй раз отпрыгнула от него, когда он решил немного со мной сблизиться. Мы виделись всего два раза, но это были самые загадочные и приятные два раза встречи с женщиной, понимаешь? Да, это звучит довольно глупо для моего возраста, но у меня не особо раньше складывались отношения с мужчинами. Точнее, я работала и старалась не отвлекаться. Мы с ним словно старые друзья, хотя я его не помню. Я предполагаю, что он риелтор семьи Уиллеров, – произношу я.

– Оу, вряд ли. Риелтор этой семьи старший сын Уиллера

и ему под шестьдесят, но он уже отошёл от дел. Занимается только закупкой товаров и поиском новых поставщиков для их магазина. В последнее время сюда приезжает его заместитель, его племянник, но и ему сорок три. Также есть и другие, мистер Краус последний раз занимался домом на холме, но он нам в отцы годится. И именно он приезжал сюда для обсуждения проблем с трубами. Так что твой незнакомец точно не из них.

– А смотритель дома? У дома Уиллеров же должен быть смотритель? Этот мужчина шёл именно в дом, – взволнованно прикусываю губу, ожидающе смотря на Сью-Сью.

– Джулиану пятьдесят, и он редко появляется в доме. Раз в неделю. Может быть, это кто-то из нового отдела управления города? Там постоянная текучка кадров.

– Может быть, но он был там. Я видела его сегодня в доме, как и вчера. И он знает меня.

– Так он шёл в дом или был там?

– Был там.

– Твои показания путаются, Айви, – смеётся Сью-Сью. Закатываю глаза и складываю руки на груди.

– Ладно, понимаю, что ты не хочешь делиться своей находкой, которая тебе явно очень нравится. Но я не знаю такого мужчину, который подходит под твоё описание. Он может быть просто новеньким в городе за холмом, а там их полно. Никогда не угадаешь, кто это. Но в этой части города точно такого нет или он уехал, как и ты, в раннем возрасте

и не учился с нами. Всех, кто учился в нашей школе, я знаю. И сделай одолжение, Айви, если ты снова его увидишь, ты уж спроси, как его зовут. Вы уже два раза виделись и до сих пор не знакомы. Это странно.

– Разговор не зашёл, но я вряд ли его увижу, вообще. Если учесть, что я завтра уезжаю...

– Эй-эй, не торопись, Айви. Я уверена, что после сегодняшней ночи в баре, ты точно изменишь своё мнение. И я всегда готова предоставить тебе своё жилище.

– Ты очень добра, – сдержанно улыбаюсь ей. Да никогда! Я помру в этом нагромождённом пространстве и у меня разовьётся клаустрофобия.

– Конечно. По одному твоему виду я могу угадать, что ты послала меня к чёрту, – смеётся Сью-Сью, натягивая сапоги.

– Я просто не привыкла жить в таких... сильно обустроенных помещениях. Я предпочитаю иметь маленький багаж. Привычка ничего не собирать, а избавляться от ненужных вещей, – пожимаю плечами.

– То есть ты привыкла к тому, что тебя могут выбросить в любое время, и поэтому ты не копишь вещи, чтобы легче было уходить? – Её вопрос меня застаёт врасплох. Он чётко ударяет по моему сердцу, и я охаю. Кровь отливает от лица, а до Сью-Сью доходит, что она сказала.

– Господи, прости меня, Айви. Прости меня! Я такая дура, – она подскакивает ко мне и тянется, чтобы обнять, но я отхожу назад.

– Ты попала в точку. Именно так, Сью-Сью, моя мать оставила мне приличного размера травму, и ты теперь понимаешь, почему я не могу её простить, – горько шепчу я.

– Айви, мне очень жаль, я не хотела портить тебе настроение. Это само вырвалось. Я такая дурочка, постоянно не слежу за языком. Я буду осмотрительней в следующий раз, – расстроено произносит Сью-Сью. Её ладонь ложится на мою руку, и она гладит меня. Удивительно, но мне не хочется её оттолкнуть. Я понимаю, что она искренне волнуется о том, что сказала.

– Не переживай. Это ведь правда, но я хочу забыть о ней. Давай, пойдём в бар. Я бы не прочь выпить бокал вина́ и не один, – глубоко вздыхаю и натягиваю улыбку.

– Отличная идея. Пошли, – Сью-Сью хватает меня за руку и несётся к двери. Одновременно берёт свою сумочку, и мы уже оказываемся на лестнице, сбегая по ней.

– А дверь не надо было закрыть? – Оборачиваюсь назад, вызывая смех от своих предостережений.

– Нет, Айви. Здесь безопасно. У нас нет воров, потому что город маленький и это позорно. Быстро вычислят, а люди так трясутся над своей репутацией, что даже лишнего грамма сахара в магазине не возьмут. Так что не переживай, а просто расслабься. Мы идём веселиться! – С криком она поднимает руку вверх со своей сумочкой и прыгает на месте, как ребёнок. На нас оборачиваются жители города, но они только улыбаются и машут Сью-Сью, а она им, тут же рассказывая,

что я сестра её жениха и мы идём в бар, чтобы надраться. Это звучит ужасно, но никого не удивляет.

Идти оказалось не так много. Бар находится всего в ста метрах от салона красоты, и мы вваливаемся туда. Звуки кантри-музыки и разговоров тут же окружают нас. Бар заполнен людьми разного возраста. Здесь же стоят бильярдные столы, обычные столики, несколько мишеней для дартса и все они заняты группами ребят.

– Айви! – Крик брата выводит меня из изучения обстановки, и я улыбаюсь ему, направляющемуся к нам с бутылкой пива. Он не переоделся, в той же форме, что и утром.

– Господи, ты выглядишь потрясающе. Мои любимые кудри вернулись, – смеётся он, целуя меня в щеку.

– Скажи ведь, ей очень идёт. Не то что её прилизанные и сухие пакли, да? Ой, я снова была груба. Прости, Айви, – Сью-Сью потупляет взгляд.

– Опять сказала правду. Мне нравится. Раньше я никогда не ухаживала за ними, но теперь, раз у меня есть такой высококлассный парикмахер, то придётся не ударить в грязь лицом, и всегда поддерживать волосы в таком же состоянии, – весело произношу я, и лицо девушки светится от радости.

– Тогда надо за это выпить, – предлагает брат. Мы обе киваем, и он ведёт нас через толпу к большому столику, где сидит чуть ли не дюжина мужчин и женщин все примерно нашего возраста. Они затихают, когда мы подходим. Среди них я узнаю только одного – Джима тоже в полицейской форме,

а рядом с ним блондинку с приличным грузом спереди, обтянутым розовой стрейчевой тканью. Симона. Догадываюсь по одному её неприятно скользкому взгляду по мне и ревности в глубине голубых глаз.

– Ребята, это моя младшая сестра – Айви. Думаю, вы все её помните, – торжественно объявляет брат, а я вжимаю голову в плечи.

Как по щелчку каждый из присутствующих поднимается с места и наперебой рассказывает, где и когда мы виделись. Они обнимают меня, расцеловывают, говорят комплименты и отпускают сальные шуточки. Все, кроме Симоны и Джима. Первая демонстративно игнорирует меня, а второй смущённо улыбается, поднимая бутылку пива в приветствии.

От такого явно интереса к моей персоне мне хочется провалиться сквозь землю. Все спрашивают меня, где я была, кем работаю, замужем ли, на сколько приехала, останусь ли, помню ли я их и всё в таком духе. Хотя мне не дают и слова вставить, снова сообщая о прошлом, которого я не помню, предлагая показать фотографии, я пытаюсь быть вежливой и ответить на вопросы. Не удаётся, поэтому просто хватаю бокал с вином и делаю несколько больших глотков, слушая рассказы о юных годах каждого.

Через час меня это немного утомляет. Нет, меня это настолько сильно утомляет, как и явные саркастические ремарки от Симоны, что я незаметно сбегая к бару и теряюсь среди посетителей. Заказываю себе ещё один бокал вина и оплачи-

ваю его. Теперь могу спокойно вздохнуть.

– Это было тяжёлым испытанием для тебя. Да, Айви? Я заметил, что ты не особо компанейская и не любишь, когда тебя постоянно вовлекают в беседы, – поворачиваю голову и вижу сидящего рядом Джима на барном стуле. Он улыбается мне, и я натягиваю улыбку для него.

– Испытание не из приятных, ты прав. Но и тебе по всему видимому было несладко. Симона тебя чуть ли не облизала с ног до головы, – парирую я, вызывая громкий смех Джима.

– Туше, Айви. Именно так. Имел глупость встречаться с ней несколько лет назад, в итоге она никак не может понять, что наши пути разошлись.

– А ты ей говорил об этом?

– Сотню раз. Сотню. Почему женщины не понимают этого? – Сокрушается Джим.

– Потому что ты даёшь им знаки, что у них есть надежда, – замечаю я.

– Я не даю. Клянусь, что не даю. Я пытаюсь быть сдержанным и вежливым по отношению к ней. Наши родители дружат, и я не хочу разрушить это, – мотает он головой.

– Иногда необходимо быть немного резким. Смотри, ты позволил ей сидеть рядом с тобой, постоянно трогать тебя и что-то шептать. Ты улыбался ей, пусть и натянуто, но она всё это расценивает абсолютно иначе. Она видит во всех твоих знаках тела согласие на продолжение отношений с ней, – делаю глоток вина, оглядывая бар. На самом деле я ищу сво-

его незнакомца. Его не было среди друзей Пэнзи, но он должен быть здесь. В этом баре, кажется, все, кому можно выпить, да и кому нечего делать дома.

– Хм, никогда не задумывался об этом так глубоко. Может быть, дашь мне пару уроков по женской психологии, Айви? – Ладонь Джима неожиданно ложится на моё колено, и я озадаченно опускаю взгляд туда.

– Ты что делаешь? – Удивляюсь я, дёргая ногой, и сбрасываю его руку.

– Я... прости. Наверное, я слишком настойчив, да? Не подумай ничего плохого, я просто... вернусь к Пэну. Мы как раз собирались играть в бильярд, – Джим тушуетя и быстро исчезает в толпе.

Потрясающе. Со мной флиртовал приятный мужчина, а я была груба. Но дело в том, что он меня абсолютно не интересуется. И я снова высматриваю своего незнакомца. Почему он не пришёл? Я даже причёску сделала и брови выщипала. А его нет. Так нечестно. Вот когда я выгляжу, как потное подобие обезьяны, то он появляется, а когда сама себе нравлюсь, то он этого не увидит. Обидно даже.

– Айви, – растягивая моё имя рядом со мной на барный стул садится Симона и окидывает меня оценивающим взглядом.

– Привет, Симона, прости, но я не самый лучший собеседник. Поэтому найди себе другого, – резко произношу я и отворачиваюсь к бару, делая ей намёк, что не намерена с ней

говорить.

– Непременно найду, но ты запомни, что Джим мой. По-дойдёшь к нему ещё раз, я тебе волосы повыдираю, и твоя никчёмная подружка Сью-Сью не сможет поправить причёску. Поняла? – С отвращением шипит она.

Закатываю глаза и качаю головой.

– Серьёзно? Так ты решаешь проблемы? Это глупо, хотя что ожидать от женщины, унижающей себя перед любым мужчиной, который на неё посмотрит. Симона, расслабься, мужчину не удержать своими прелестями, ещё нужны мозги. Пойди поищи их, а я проветрю свои от твоей желчи, – в том же духе отвечаю ей и широко улыбаюсь.

– За твои успехи, – поднимаю бокал с вином под её открытый от удивления рот и выпиваю вино залпом.

– Прими совет, дорогая, не ты должна бегать за мужчинами, а они за тобой. Всё очень просто в этом мире. Уважение к себе заработать сложно, но ещё сложнее удержать его. А теперь я тебя оставляю с твоим сомнением. Оно под ногами валяется и мне неудобно наступать на него. Не скучайте, девочки, – едко бросаю я и прохожу мимо Симоны.

Здорово. У меня уже есть враги. И из-за чего? Из-за ревности. Потрясающе. А то мне мало своих проблем, теперь я участвую в интригах «Санни-Хиллс».

Вернувшись к столику, не вижу ни Пэнзи, ни Сью-Сью, чтобы сказать им, что пойду прогуляюсь на улицу, поэтому передаю о своём решении вроде бы Сандерсу или как-то так.

Беру свою сумочку и вылетаю на свежий воздух.

Шум бара остаётся позади, и я бреду по улице, рассматривая то, что меня окружает. Я не люблю большие компании. Мне предпочтительнее одиночество и тишина. Вот в ней я прекрасно ориентируюсь. Я наслаждаюсь этим временем с собой. Мой взгляд снова натывается на фонтан, и я иду к нему. Недалеко на лавочках сидят пожилые парочки и на нескольких молодые компании, смеясь над своими шутками. На меня особо никто не обращает внимания, и я могу спокойно сесть на бортик фонтана. Он работает вполсилы, наверное, из-за экономии воды. Днём он брызгал во все стороны, сейчас же приятная прохлада воды касается моих пальцев, когда я опускаю туда руку. На дне фонтана вижу монетки и улыбаюсь. Кто-то верит в исполнение желаний и одно из них – вернуться сюда.

– Эй, – вздрагиваю, когда рядом со мной ложится тень. Оборачиваясь, вижу брата и улыбаюсь ему.

– Ты меня напугал. Я не нашла тебя в баре и решила немного подышать свежим воздухом.

Пэнзи понимающе улыбается и садится рядом со мной.

– Я говорил по телефону на улице, ты прошла мимо меня. Ты как? – Бросаю на него уставший взгляд и пожимаю плечами.

– Не знаю. Сложно.

– Представляю, как тебе паршиво до сих пор. Но я тебя в любом случае поддержу.

– Здесь дело не в поддержке, Пэнзи, а во лжи. Ты веришь ей? Веришь в эту чушь про то, что я была настолько безумной? – Горько спрашиваю её.

– Мне было девять с половиной, когда вы уехали и я не особо сам что-то помню, чтобы точно уверить тебя, что она не врёт. Лично я не видел всё то, о чём она говорит, но я сегодня звонил отцу, и он всё подтвердил. Поэтому я не знаю, что думать пока, – Пэнзи делает паузу, обеспокоенно проверяя моё состояние. Я слабо киваю ему, чтобы продолжал.

– Мне она рассказала то же самое в шестнадцать, когда я решил сбежать отсюда к вам. Меня поймал шериф. Тот, на кого я сейчас работаю, отец Джима. Мать даже не приехала за мной в полицейский участок, меня просто привезли домой, и всё. Это тоже меня ранило. Она пришла только утром, чтобы отчитать меня и рассказать всё это. Она убеждала, что тебе возвращаться опасно, пока ты не вырастишь. Если честно, то я был очень напуган тем, что она мне сообщила. Поэтому и прекратил любое общение с вами. Я боялся навредить тебе. Но... Айви, – брат берёт меня за руку и сжимает её в своих.

– Сейчас я считаю, какая разница на эти причины, которые побудили их так поступить. Мы снова вместе. Ты и я. И точно никто и ничто больше нам не запретит общаться. Я буду оберегать тебя, обещаю, и если что-то тебе будет нужно, то просто позвони мне. Напиши мне, и я приеду. Я брошу

всё, ради тебя, чтобы помочь. Ладно? – В моих глазах собираются слёзы.

– Я люблю тебя, сестрёнка. Сильно люблю. Не важно, что мы двадцать лет не видели друг друга. Любовь вот здесь, – он прикладывает мою ладонь к своей груди, – и она никогда не забывается. Она может ненадолго затихнуть, но потом снова возвращается.

Его слова для меня подобны огромному тёплому одеялу в жутко холодную ночь. Его признания, его близость и его желание помогать мне, несмотря ни на что, вызывают безумно мощный поток тепла в моём теле. Под порывом этих чувств я обнимаю его, и он тоже. Брат качает меня из стороны в сторону, целуя в висок, а я закрываю глаза от удовольствия быть рядом с родным человеком. Папа не любит обниматься. Я тоже не любила, но, оказывается, мне это нравится, главное, чтобы был рядом правильный человек. Тот, который покажет, что это не стыдно проявлять чувства.

– Пойдём обратно в бар? Сыграем партию в бильярд? Я научу тебя, – весело предлагает Пэнзи.

– Не то настроение, прости. Я побуду здесь, а потом пойду домой. Я очень устала. Завтра меня ждёт обратная дорога, – качаю отрицательно головой.

– Хорошо. Я отвезу тебя к автобусу. Но ты подумай ещё раз. Ведь здесь есть не только мама, но и я. А мне было мало времени с тобой. Слишком мало, – брат целует меня в лоб и поднимается.

Он так часто целует меня куда-то, обнимает, притрагивается ко мне, словно опасается, что я исчезну. Это меня сильно ранит. Я смотрю на одинокую фигуру брата, идущего к бару, и моё сердце сжимается от боли. Я очень бы хотела узнать его лучше. Посмеяться с ним над какими-то глупостями или же помочь ему в чём-то. Но не знаю, смогу ли выдержать нашу мать и её ложь? Смогу ли находиться с ней в одном городе и притворяться, что мы не знакомы? Это ведь жутко.

– Надо же, сегодня мой, действительно, самый счастливый день в жизни. Ты ещё здесь, малышка, – втягиваю с шумом воздух от приятного и такого тёплого мужского тембра.

Господи, это он.

Глава 10

Внутри плещется радость и удивление от внезапного появления мужчины, стоящего напротив меня. Он озорно улыбается мне, вызывая в очередной раз странное чувство близости с ним. Я знала его. Я помню его. Нет, моё сердце помнит, а вот разум нет. Но я очень скучала по нему.

– Хей, наверное, ты считаешь меня невероятно глупой, да? Я сказала тебе, что уезжаю, а ещё здесь. Дело в том, что автобус будет проезжать город только утром, и я была в баре с братом и его друзьями. Меня сегодня принял за любовницу брата его друг, а потом он же решил флиртовать со мной. Идиотизм, правда? Боже, что я говорю? – Сокрушённо прикладываю ладонь ко лбу и ненавижу себя за это.

Ну почему? Почему я становлюсь такой дурой рядом с ним?

Мой незнакомец смеётся и садится рядом со мной, растёгивая пиджак. Он сегодня выглядит потрясающе. Хотя и в обычной футболке он был шикарным, но в классическом костюме и галстукe буквально может сойти за какую-то знаменитость.

– Мне интересно всё, что ты говоришь. Вообще, сам факт этого меня очень радует. А то, что ты здесь, превращает меня в очень счастливого придурка, – хихикаю от его слов и смущённо поправляю прядь волос, заводя за ухо кудряшку.

– Как ты узнал, где я? – Интересуюсь я.

В глазах мужчины вспыхивают игривые искорки.

– Я был на встрече в ресторане, – он поворачивает голову, показывая на само место через дорогу, о котором говорит. – Увидел тебя через окно и закончил встречу. Я не мог упустить такой возможности. Не хочешь прогуляться немного? А то на нас так странно смотрят, это некомфортно.

Оглядываюсь по сторонам. И, правда, многие уставились на нас, словно мы пришельцы. Они шушукаются, указывая на нас.

– С радостью. Ненормальные здесь люди, обожающие сплетни, – благодарно киваю ему и поднимаюсь с места. Он делает то же самое.

Мы быстро проходим площадь, и мой незнакомец выставляет руку, когда мы оказываемся у дороги, таким образом, защищая меня от машин. Это так мило. Господи, я веду себя, как дура. Хватит уже. Но эта забота безумно приятна, хотя он не берёт меня за руку. Он, вообще, не контактирует со мной. Не думала, что наступит время, когда я захочу, чтобы кто-то сам взял меня за руку.

Оказавшись на тихой улице, мы идём уже медленнее. Мне всё равно, куда мы идём. Мне просто нравится идти рядом с ним. Мне двадцать пять лет, а я как идиотка улыбаюсь, бросая на него косые взгляды.

– Знаешь, я спрашивала о тебе у Сью-Сью, – произношу я. Мужчина удивлённо приподнимает брови и ожидает про-

должения.

– Она тебя не распознала, а я даже имени твоего не знаю. Но я помню, ты говорил, что мы были знакомы. Ты учился здесь? – Интересуюсь я.

– Нет. Я учился не здесь, а в Сиэтле. Но я родился здесь и вернулся сюда, когда получил образование, – чётко отвечает он.

– Понятно, поэтому она тебя и не знает. Она знает всех. Буквально всех и они знают её. Это ненормально ведь, да? Должны же быть у людей какие-то секреты, что-то новое в жизни?

– Секреты есть у каждого. Внешность лишь оболочка, причём зачастую обманчивая, – поворачиваю заинтересованно к нему голову.

– Ты тоже не веришь всем на слово?

– Нет. Я давно уже никому не верю. А ты?

– Тоже. Я перестала доверять людям. Кажется, я никогда им и не доверяла, потому что постоянно боялась... – осекаюсь, прикусывая язык.

Незнакомец переводит на меня заинтересованный взгляд, ожидая продолжения.

– Чего боялась?

– Хм, это личное. Я никому не рассказывала, – кривлюсь я. Хотя бы сейчас мой мозг начал работать. Слава богу.

Он мягко улыбается мне и кивает, понимая, что я не готова таким делиться.

– А ты почему перестал доверять людям? – Спрашиваю его.

– Меня обманули. Близкие мне люди. За несколько минут я узнал, что моё прошлое было фальшью. Я был счастлив, жил в неведении, потакал всем капризам, мирился со многим, а потом мне причинили сильную боль. Очень сильную. Меня предали. Вся моя семья предала меня, – его голос хрипит от грусти. Я вижу, как он сглатывает горький ком в горле, а потом нервно и быстро улыбается мне.

– Но я смирился с правдой. Смирился и страдаю дальше.

– Почему страдаешь, если смирился?

– Потому что это нечестно. Я не простил их и никогда не прощу. Не могу простить, потому что причин для этого нет. Они не заслужили прощения. – Тихо вздыхаю, шокированная такими похожими чувствами.

– Как я тебя понимаю. Моя мать... знаешь, когда-то я мечтала о встрече с ней. Я молилась Богу, чтобы она приехала и обняла меня. Я грезила ей довольно сильно, а потом до меня дошло – я ей не нужна. И вот спустя столько лет, сломленных лет моей жизни, она снова вернулась в неё. Нет, даже не так, она вынудила меня приехать сюда, выслушать полную чушь о причинах, почему она не могла найти минуту для звонка, и надеется на прощение. Но я знаю, что она выгораживает себя. Она нашла себе оправдание, а я вот ей нет. Сегодня был паршивый день, потому что я тоже осознала, что не могу простить её. Из-за действий одного человека

пострадали трое. Я виню только её. Наверное, я предвзята, но мне очень больно, – из меня льются эти слова. Это признание абсолютно незнакомому человеку. Я открываю ему свои самые ужасные стороны, а в его глазах блестит огонёк сочувствия.

– Я знаю это ощущение. Знаю, что такое одиночество и злость.

– О-о-о, да. Злости во мне достаточно. Я наговорила ей много плохого. Я оскорбила её не самыми красивыми словами. И я не стыжусь этого. Простите, конечно, но не встречаться со мной из-за чёртовых выдумок ребёнка? Из-за того, что этому ребёнку не хватало её внимания, заботы, любви и ласки? Серьёзно? Да пошла она, – рыча, пинаю камушек, и он звонко летит вперёд.

– Значит, ты уезжаешь из-за неё? – Пожимаю плечами.

– Наверное. Я просто не представляю, как нам сосуществовать рядом, когда я её ненавижу. Клянусь, было бы что-то под рукой сегодня, я бы швырнула это в неё, чтобы она поняла, что такое больно, а не её фальшивые слёзы. Она ни черта не знает, каково это – задыхаться от рыданий из-за проклятой боли и обиды в груди. Она не понимает, что такое кричать, орать внутри, а внешне оставаться спокойной, когда ты видишь, как из школы забирают детей оба родителя, как они приходят на их праздники и снимают на камеру каждый их шаг и достижение, а на тебя никто не смотрит. Ты всё делаешь в пустоту. Когда мамы готовят своих дочек к вы-

ступлению, а ты идёшь туда с ужасной копной спутанных волос, потому что папа опаздывал из-за работы и абсолютно не знал, что нужно расчёсывать девочек, заплетать и хотя бы купить нормальный гребень.

– Да, у тебя достаточно причин её ненавидеть, – замечает он.

– Точно. Поэтому я хочу уехать отсюда, а, с другой стороны, здесь мой брат. Он прекрасный человек. Он старается заботиться обо мне. Он так нервничает постоянно, чтобы мне всё понравилось. Он ищет причины, чтобы я осталась, чтобы стала снова частью его жизни. Она и ему жизнь сломала, понимаешь? Ему тоже. Не только меня заставила страдать, но и его. Это вызывает невероятную ярость, – зло цежу я.

– Так почему бы тебе не остаться из-за него и из-за меня? Нас уже двое из тех, кто никогда не причинит тебе вреда. – Озадаченно останавливаюсь и смотрю в его улыбающееся лицо.

– Мы даже имён друг друга не знаем.

– Тогда скажи своё. Я ждал его двадцать с лишним лет, – предлагает он.

– Айви, – протягиваю руку, но он игнорирует это, хмурия брови.

– Айви. Точно, Айви. А я всё думал, что же мне шепчет плущ. Айви. Я забыл его. Оно просто вылетело из головы или не слышал его. Я не помню особо, – бормочет он себе под нос и трёт переносицу.

– Мой отец меня классифицирует, как и плющ. Это то ещё удовольствие, я скажу тебе.

Усмехаясь, мужчина склоняет голову набок.

– Плющ ядовитый, не так ли?

– Именно. Постоянно, когда я что-то требую, он называет меня так. Это бесит. Я же не растение, а живой человек. Но нет, он всегда меня сравнивает с ним и припоминает, что я такая же буйная, как мои волосы. Вот, понимаешь? Вот это я постоянно слышала в своей жизни, – указываю пальцем на волосы в знак доказательства.

– Буйная? Что за чушь? Ты удивительная, Айви. Даже если у тебя и непослушные волосы, то они придают тебе только изюминку, а не доказывают, что у тебя скверный характер. Делать вывод о человеке из-за волос это оскорбительно.

– Точно! Именно так. И я постоянно это слышала, понимаешь? Меня водили к психотерапевту, и папа говорил: «Угони свой „ядовитый плющ“, Айви. Мы же не хотим снова вернуться к твоим особым проблемам». Проблемам! Представляешь? Детские забавы они оценили, как дурные проблемы характера. И это заставило меня постоянно выпрямлять волосы. Мне казалось, что если я этого не сделаю, то всё, я пропаду. У меня ничего не получится, я что-то брошу, так и не закончив. Да я даже на лысо побрилась в тринадцать вся в слезах, когда услышала, как отец говорит моему классному руководителю, что всё дело в волосах. Они такие же ненормально буйные, как и я. Они сделали из ме-

ня психопатку, а я была лишь активным ребёнком, который хотел любви. Чёртовой любви. Идиоты. Теперь отца я тоже ненавижу. Он своими каждодневными намёками на то, что у меня торчат волосы, добил гвозди в мой гроб. Но разве дело в волосах? – Эмоции кипят в моей крови, и я всплёскиваю руками.

– Нет, дело не в волосах. Знаешь, что, вообще, мне сказала мать? Что я пыталась покончить с собой из-за выдуманных друзей. Я! Да я не верю в это. Надо было следить за мной, а не пропадать на работе. Это был детский протест. Я сейчас учитель младших классов, и я много изучила психологических методичек о поведении детей. Я в детстве просто требовала внимания и не было у меня никаких выдуманных друзей, из-за которых меня забрали отсюда и отдали лечить голову. А они исчезли. Ну вот как такое может быть? А я отвечаю, это всё ерунда. Она врёт. И отец её поддерживает. Он выгораживает её, понимаешь? Это так обидно. Родители выставили меня какой-то помешанной, – задыхаюсь от своей речи и только через секунду осознаю, что всё выплеснула вслух мужчине, который, вообще, не должен знать обо мне такое.

Чёрт.

Но он выглядит задумчиво и в его глазах нет отвращения или же страха. Он просто осмысливает мои слова, внимательно разглядывая моё лицо.

– Прости. Я обычно не такая эмоциональная. Алкоголь,

наверное. Выпила два бокала вина, и я...

– Айви, тебе не следует извиняться за то, кто ты есть. Ты не можешь всю свою жизнь прятать себя настоящую за собранными волосами. У каждого человека есть эмоции и это нормально злиться, когда тебе причиняют боль. Твою жизнь разделили на несколько этапов и каждый из них был сложным. Так что я тебя прекрасно понимаю. Моя жизнь тоже разделилась на до и после, – спокойно произносит он.

– Спасибо, что не счёл меня идиоткой.

– Никогда такого не подумаю. Ты вызываешь у меня только желание защитить тебя и улыбаться, – и он улыбается мне, отчего я хихикаю.

– Так ты назовёшь своё имя? – Интересуюсь я.

– Я ждал твоё имя слишком долго, поэтому спроси меня через двадцать лет.

Смеюсь и качаю головой.

– Это ненормально, ты же понимаешь? Ты заигрываешь со мной, но не хочешь сказать даже своё имя, – мягко упрекаю его.

– Именно так. Интригую тебя. Я заигрываю только с тобой, и мне это нравится. Я давно уже не флиртовал ни с кем. И я наслаждаюсь каждой минутой, – он делает шаг ко мне, а в моей груди всё спирает от приятной волны, прошедшей по всему телу.

– Так, значит, я тебе нравлюсь? – Его глаза вспыхивают ярким светом.

– Очень. И твои кудряшки тоже, – он поднимает руку, чтобы коснуться моих волос, и я задерживаю дыхание. Но он только проводит в воздухе их очертание и улыбается.

– Пойдём дальше? – Мой незнакомец делает шаг в сторону от меня, а я разочарованно понимаю, что я нравлюсь ему не настолько, чтобы он захотел даже коснуться меня. Может быть, это потому, что я отпрянула от него, как ошпаренная ранее? Чёрт. Сама себе испортила первый поцелуй, которого очень ждала.

Мы идём медленно и молчим. Я хочу его спросить о многом, но в голове нет ни одного стоящего вопроса. Вообще, ни одного, я просто наслаждаюсь его присутствием.

– Ты здесь один? Я имею в виду, ты живёшь один? – Осторожно интересуюсь я.

– Абсолютно один и уже долгое время. Порой мне кажется, что слишком долго и это сводит с ума. Не с кем даже поговорить о чём-то интересном. Некому рассказать о том, что меня волнует. Некому открыться. Никто меня не слышит, словно меня нет, – печально отвечает он.

– Как так получилось? Ты очень симпатичный мужчина, – удивляюсь я.

– Потому что не каждый человек готов открыть своё сердце мне. Я предпочитаю одиночество, но и в нём стало очень душно. У меня нет друзей. Нет никого рядом. Есть ты, чему я безумно рад. С тобой я чувствую, что снова живой, – он бросает на меня странный взгляд, и я давлюсь воздухом.

Мои ноги заплетаются. Я неожиданно даже для себя спотыкаюсь о них. С писком лечу вперёд и выкидываю руки в стороны. Они цепляются за лацканы его пиджака. На секунду на его лице появляется шок, но он обхватывает меня за талию и не даёт расшибиться.

Всё происходит быстро. Ещё минуту назад я шла нормально, а сейчас вишу в воздухе и моя опора это только его руки и прохлада вокруг.

– Господи, прости. Я никогда не была такой неуклюжей...

– Невероятно, – шепчет он, перебивая меня. Он ставит меня на ноги, но его руки до сих пор на моей талии.

– Боже мой. Я касаюсь тебя, Айви, и это самое прекрасное, что было со мной за всю мою жизнь, – он настолько восторгается этим, как будто до этого он не мог прикоснуться ни к кому или же просто никто ему это не позволял.

– Эм... почему? Что в этом такого? Я вот не люблю, когда меня трогают, – его руки ослабевают на мне. Он вот-вот отпустит.

– Нет! – Выкрикиваю и крепче цепляюсь пальцами за его пиджак. – Мне нравится, когда ты меня трогаешь, но обычно мне не нравится, когда незнакомые люди целуют меня в щеку или обнимают. Для меня это ненормально. Зачем трогать людей, если можно просто кивнуть, правда? Зачем пачкать друг друга? Но ты меня пачкай. Ты можешь меня пачкать... господи, закрой мне рот, а?

Хнычу, осознавая, что снова меня повело не туда. Но,

видимо, мой идиотизм школьницы ему очень нравится. Он смеётся. Он так громко и задорно смеётся, обхватывая мою талию, и кружит меня. Охая, изумлённо замираю, пока он не ставит меня на ноги.

– Это непередаваемое чувство, Айви. Я живой, понимаешь? С тобой я живой, – шепчет он. Его руки проходят по моей спине. Он щупает меня. Его пальцы касаются моих волос, и он дёргает за кудряшку.

– С первого взгляда хотел это сделать и посмотреть, как она подпрыгнет, – он с таким трепетом наблюдает за моими волосами, что это немного напрягает. Он очень странный, но его улыбка заразительна, и я непроизвольно тоже улыбаюсь.

– И ты не можешь меня лишиться этого. Попросто не можешь, Айви. Остайся здесь со мной. Остайся, и я буду к тебе прикасаться. Сейчас я тоже это сделаю, потому что мне очень хочется узнать... вспомнить. Я поцелую тебя, – с этими словами он обхватывает моё лицо ладонями и впивается в мои губы.

Мои ноги от неожиданности подкашиваются. Я сейчас рухну в чёртов обморок от того, как же прохладны его губы и настолько же приятны. Боже мой...

Глава 11

У меня было много поцелуев. Они все были такими скучными. Два раза я ударялась лбом. Один раз я прикусила свой же язык. Ещё раз я просто ждала, когда всё закончится. Но никогда моё тело не отзывалось всеми проклятыми ионами наслаждения на прикосновения губ к моим губам. Я не знаю, что мой незнакомец делает со мной, но я не хочу, чтобы он останавливался. Но именно это и происходит.

– Не могу поверить, – выдыхает он. Его лёгкое и прохладное дыхание делает со мной что-то жуткое. Я в шоке смотрю на него.

– Я хочу снова.

Мужчина сгребает меня в охапку, и я позволяю ему это сделать. Он целует меня. Так жадно. Его губы двигаются на моих. Он покрывает поцелуями моё лицо и снова возвращается к губам, чтобы провести по ним языком. Меня дёргает от вспышки возбуждения внизу живота. Тихий стон срывается с моих губ, а глаза закатываются. Я приоткрываю рот, и он медленно, аккуратно и безумно эротично скользит в него языком. Меня ударяет снова огнём изнутри. Мои пальцы скользят по его плечам, и я зарываюсь ими в его густые волосы. Сначала всё происходит так размеренно. Мы пробуем друг друга на вкус, но потом, как с цепи срываемся. Его руки крепче стискивают меня и поцелуй становится на-

столько горячим и возбуждающим, что впору вызвать пожарных для меня. Я таю в его руках, позволяя давить на мои губы, обхватывать их и посасывать, как в жутком порно. Но это так замечательно. Я не помню, сколько проходит времени прежде, чем он отрывается от моих губ, а я задыхаюсь изнутри. Его счастливые глаза и широкая улыбка в который раз рождают внутри меня тепло. И это не вульгарное тепло, а настоящее.

– Столько лет я не чувствовал себя таким живым. Разве это не причина, чтобы ты осталась со мной? – Жарко шепчет он, глядя моё лицо.

– Но это... безумие. Тебе не кажется?

– Ни капли. Я снова постараюсь тебя убедить.

Он набрасывается на меня, как голодный волк. Господи, можно ли умереть, всего лишь целуясь с мужчиной? Не знаю, но, вероятно, скоро проверю, потому что моё тело всё зудит. Оно требует большего. Он толкает меня спиной куда-то, и я путаюсь в ногах. Они подкашиваются, но ему, как будто, это только и надо. Мы плавно опускаемся на землю в высокую траву, прячущую нас от любопытных глаз, если бы они были. Он не перестаёт меня целовать. Его тело накрывает моё и я умираю. Боже мой, глотаю ртом кислород, а его губы скользят по моей щеке. Жар моего тела и его прохлада буквально делают меня безумной. Я растворяюсь в его руках, ласкающих мои бёдра. Он спускается ниже, к моей шее и прикусывает немного кожу, вырывая из горла низкий стон. Он сно-

ва возвращается к моему лицу. Облокачиваясь на локоть, он смотрит на меня, а я на него через приоткрытые веки. Он нежно проводит ладонью по моей щеке и, наклоняясь, оставляет на губах очередной поцелуй.

– Это не безумие, Айви. Это нечто куда более жестокое, – шепчет он.

– Ты собираешься причинить мне боль? – Так же спрашиваю его.

– Нет. Нет. Ни в коем случае. Просто жизнь ко мне очень жестока. Она забрала всё у меня. Сделала меня ничтожеством. А потом появляешься ты, и я снова хочу жить. Хочу, понимаешь? Я так много желаю сделать. Так много. Чувствовать твою кожу под своими пальцами это подарок для меня. А целовать тебя? Я готов заставить солнце встать раньше, чем обычно, чтобы увидеть, какая ты при свете дня в этот момент. Безумие? Нет. Это новый шанс, чтобы жить.

– Почему ты так говоришь? Что с тобой случилось, раз ты не жил всё это время? – С болью спрашиваю его.

– Долгая история и я тебе её расскажу в следующий раз. Ещё одна причина, чтобы остаться, не так ли? – Игриво прищуривается он.

– Ты очень хитер, – журю его я, тихо смеясь.

– Нет, я просто узнал, что меня не жалит ядовитый плющ, он ко мне благосклонен, – он проводит пальцем по моим губам и моё тело вновь вспыхивает.

– Но он может ужалить, – замечаю я.

– Может, но он не сделает этого, потому что он единственный, с кем я могу быть живым. Он знает все мои тайны, и я дал ему обещание. Он хранит его верно, но он же и подарит мне шанс вырваться из этих оков прошлого. Айви, я даже подумать не мог, что нужно двадцать лет для этого. Я бы тогда ждал дольше. Ещё одну вечность, но только знать, что будет шанс иметь возможность касаться чувственной кожи и наслаждаться этим тёплом. Ты согреваешь моё сердце, – он постоянно гладит моё лицо. Его пальцы бегают по коже, вызывая мурашки на ней.

– У тебя холодные пальцы, а на улице душно, – замечаю тихо я.

Он резко замирает и в его глазах появляется страх.

– Вообще, ты весь холодный, словно у тебя внутри личный кондиционер, – добавляю я. Его лицо заметно бледнеет. Мужчина сглатывает и убирает руку, отодвигаясь от меня. Чёрт, ну что я за дура?

– Это болезнь, – едва слышно он выдавливает из себя.

– Ты болен? – Чуть ли не взвизгиваю испуганно я.

– Не смертельно. У меня с рождения плохая циркуляция крови. Болезнь Рейно. Она постоянно возвращается. Она поражает в моём случае иногда всё тело, иногда только руки. Всё идёт от сердца, – сдавленно признаётся он.

– О, Господи, – с ужасом вставляю я.

– Из-за сильных эмоций идёт нагрузка на сердце, отсюда и более выраженные симптомы. Это не заразно. Некоторые

излечиваются, но не я. Для тебя это проблема, Айви? – Он бросает на меня напряжённый взгляд исподлобья.

– Нет-нет, что ты, – быстро мотаю головой и немного при-
встаю на локтях. – Она доставляет тебе дискомфорт?

– Нет. Я не замечаю даже этого. Уже привык быть холод-
ным большую часть своей жизни. У многих пропадает чув-
ствительность, но не у меня. Наоборот, ощущения от при-
косновений ещё ярче, иногда даже болезненны. Поэтому я
стараюсь никого не трогать. Но не с тобой. С тобой я ощу-
щаю жар и словно моя кровь бурлит. Давно не чувствовал
нечто подобного. На самом деле даже не помню, когда я
что-то, вообще, чувствовал. Я был безразличен ко многому.
Я не испытывал желания улыбаться или смеяться. Это так,
словно ты просто стоишь, а вокруг тебя ходят люди, не за-
мечая тебя. Сначала ты хочешь, чтобы они тебя заметили,
а потом привыкаешь и живёшь таким образом. Ты отдель-
ный мир, где нет никого, кроме тебя.

– Но почему? Что заставило тебя так категорично отстра-
ниться от людей? Только болезнь? Они высмеивали тебя,
да? – Сочувственно вглядываюсь в его лицо. Слабая и груст-
ная улыбка касается красивых губ.

– Они просто не хотели меня видеть. Они сами отверну-
лись от меня, а я пытался. Айви, ты не знаешь, сколько раз
я пытался пойти на контакт с ними. Они меня забыли, ис-
чезли, выбросили. И мне пришлось принять это, но не сми-
риться. Как тебе. Мы очень похожи. Нас обоих вышвырнули

из жизни близкие люди, словно мы не живые, а вещи, в которых больше не нуждаются. Это жестоко. Я пытался их понять. Пытался, но не смог.

– Такое не прощается, – с болью шепчу я. Сама тянусь к его лицу и провожу по мягкой щетине ладонью. Он улыбается мне и прижимается к моей руке, как будто ищет тепло, в котором его ограничивали. Теперь я понимаю почему. Большинство людей испугаются, когда коснутся его, посчитав, что он заразный или что это ненормально. Но это всего лишь небольшое отклонение, которое не должно лишать его возможности жить.

– Нет. Не прощается. Предательство сложно простить, и хоть люди говорят, что принимаю это, прощают и живут дальше, но они всегда помнят про то, что им вонзили нож в спину. Они ждут каждый день очередного укола боли. Они создают свою клетку, из которой нет пути.

– Кто с тобой это сделал? Твоя семья? – Шепчу я. Он жмурится и дёргается назад, падая на спину. Его губы сжимаются в тонкую линию. Мне не нужны слова, я и так поняла, что права.

– Хочешь, мы сменим тему? – Предлагаю я, теперь лёжа на боку рядом с ним.

– С радостью, – мягко улыбается он. – Расскажи мне, какой была твоя жизнь? Ты с кем-то встречаешься? Ты помолвлена с мужчиной? Замужем?

– Думаешь, что если бы я с кем-то встречалась или была

замужем, то целовалась бы с тобой? – Изгибаю вопроситель-но бровь, ожидая, что он рассмеётся, но он очень серьёзен.

– Даже кольцо на пальце не повод, чтобы люди отказыва-ли себе в минутных слабостях. Я это видел и часто, – глухо отвечает он.

– Видимо, у тебя и, правда, было много в жизни преда-тельства, но на мой счёт можешь не волноваться. Я ни с кем не встречаюсь, а последние серьёзные отношения у меня бы-ли ещё в университете, но мы расстались. Ему нужно бы-ло уделять слишком много времени, а я старалась получить больше хороших рекомендаций, чтобы найти приличную ра-боту, за которую платят нормально, а не гроши. Потом у ме-ня были свидания. Первое после расставания с бывшим про-шло ужасно. Это был отец одного из моих подопечных. Он ухаживал за мной и был вдовцом. Ужин шёл великолепно, пока в ресторан не заявила его живая, как узналось, же-на и не устроила скандал. Я сбежала оттуда и на следующий день меня попросили уволиться по собственному желанию. Это перечеркнуло все мои труды. Все. Я зареклась больше не встречаться с мужчинами, а сконцентрироваться на рабо-те. Но всё же ещё три раза ходила на свидания после того, как убедилась, что они не женаты. Ничего не вышло. Абсо-лютно ничего, потому что я думала абсолютно о других ве-щах. В общем, я свободна и, если честно, то не задумыва-лась о браке и о постоянных отношениях. Боюсь, что сломаю жизнь какому-нибудь бедняге, как сделала моя мать с отцом.

Я трудоголик, а мужчинам нужно внимание, иначе они идут искать его на стороне.

– Снова нахожу в тебе себя, Айви. Я тоже был трудоголиком. Я старался заработать себе хорошую репутацию, учился каждую свободную минуту, чтобы быть лучше и лучше. А в итоге ни к каким хорошим результатам это не привело, – мы понимающе улыбаемся друг другу.

– То есть мы два неудачника, – тихо смеюсь я.

– Никогда так не говори. Нам, наоборот, повезло, понимаешь? Это не неудача, это огромное везение что-то изменить, что-то сделать иначе, начать жить. Это должно заставить увидеть правду о тех, кто нас окружал и о нас самих. К примеру, ты, Айви. Неужели, ты хочешь прожить свою жизнь, как твоя мать? Постоянно быть зацикленной на работе и потом, в один день, встретить свою дочь, которая будет тебя ненавидеть? – Охаю от его вопроса в лоб.

– Нет... конечно, нет, – шепчу я.

– Поэтому начинай делать что-то иначе сейчас. Поверь мне, малышка, иногда может быть такое, что не будет времени. Ничего не будет. Ты не успеешь улыбнуться. Не успеешь насладиться прикосновениями. Не успеешь попробовать ананас. Не успеешь купить себе трусы в горошек, потому что для других это смешно и тебе становится стыдно из-за этого желания, но они тебе так нравятся. Не успеешь увидеть то, что за холмом. Не успеешь полюбить. Не успеешь подарить внимание тому, кому хочешь, потому что он ведь

будет и завтра рядом. Но нет, слышишь? Нет. Такого может не быть. Люди умирают. Люди уходят. Люди остаются в одиночестве, потому что гнались за чем-то, что не было настолько важным. Хорошие рекомендации недолго будут греть тебя ночью. Ты сожжёшь их, чтобы горел костёр, но они закончатся. А вот чувства заставят тебя взять себя в руки и искать тепло снова и снова, не сдаваться. Не надеяться на какие-то бумажки, которые сгорят быстро. Ты не будешь ждать, когда тебя найдут, ты сама найдёшь выход. Понимаешь? – Он заводит за ухо прядь моих волос, а я чувствую, как он прикасается не только ко мне, но и к чему-то очень глубокому. К моему сердцу. Его слова это как воздух. Свежий воздух, а не душный кислород для меня.

– Тогда почему ты сам не можешь простить, раз это потеря времени? – Интересуюсь я.

– Для меня уже поздно, Айви. Слишком поздно, – горько отвечает он.

– Но не для тебя. Для тебя не поздно. Я не говорю о том, что ты должна простить свою мать и сделать вид, как будто всё хорошо и тебе не больно. Забудь об этом. Забудь о том, что тебя угнетало. Открой глаза и посмотри, сколько вокруг тебя возможностей. Ты можешь касаться людей, ты можешь смеяться, ты можешь знакомиться с новыми людьми, ты можешь двигаться дальше. Разве важно, что твои волосы кудрявые и кто-то когда-то считал, что это делает тебя буйной? Да к чёрту их. Будь собой. Будь полной эмоций. Кричи. Смейся.

Бегай. Злись. Люби. Целуйся. К чёрту страхи тех, кто подавляет тебя. К чёрту их слова о том, что ты должна быть другой. Кому должна? Им. Нет. Это не их жизнь, а твоя. Только твоя. И в ней ты хозяйка. Ты можешь выбирать то, что хочешь ты, а не они, – он перекачивается, и я оказываюсь снова на лопатках. Его ладони обхватывают моё лицо, и он крепко меня целует. Охаю от неожиданности и закрываю на секунду глаза, обнимая его за шею.

– Вот... вот об этом я говорю, – шепчет он, потираясь носом о мою щеку. – Нужно делать то, что прямо сейчас хочется. Мне, так не выпускать тебя из своих холодных рук, потому что я боюсь, что завтра у меня не будет такой возможности. Завтра я лишусь снова шанса целовать тебя, говорить с тобой и видеть тебя. Надо жить прямо сейчас. Чувствовать, потому что в одиночестве так страшно, Айви. Страшно быть одному. Страшно кричать и видеть, что твой крик никто не слышит. Никому нет дела.

– А если страшно, что будет больно? Снова больно, потому что ты будешь ждать этого человека, а он не придёт? Он опять, как и другие, выбросит тебя, – с придыханием произношу я.

Он приподнимается и улыбается мне.

– Тот, кому ты дорога, будет ждать тебя вечность. Он никогда не уйдёт, Айви. Он будет всеми силами цепляться за эту жизнь, чтобы встретиться с тобой. Если человек что-то хочет, то он делает это, а не ищет себе оправданий. И на-

до рисковать. Надо пробовать. Надо учиться. Пусть иногда мы доверяем не тем, но всегда приходит время, когда ожидания оправдываются. Я ждал тебя двадцать лет, и теперь я не собираюсь тебя отпускать. Не отпущу, потому что ты мой шанс, наконец-то, стать свободным, – в его глазах сверкает невероятная сила и даже безжалостная уверенность в своих словах. Меня это пугает и восхищает одновременно. Я никогда не верила в любовь с первого взгляда и даже сейчас отношусь к этому мужчине с опаской, но он всегда говорит такие мощные вещи мне, словно знает всю мою душу. Это подкупает и довольно хорошо.

– Ты не обманешь меня? – Провожу ладонью по его волосам.

– Никогда. Я держу тебя и мои пальцы не разожмутся. Ты будешь чувствовать мои прикосновения даже тогда, когда меня не будет рядом. А я буду ждать, когда снова тепло проникнет в мою грудь и ночь будет казаться днём. Ярким и безоблачным днём, где я буду смеяться искренне, – улыбаюсь ему, и он мне тоже. Наклоняясь, он целует меня, а я отдаюсь его губам, словно цветок, поглощающий солнечный свет в морозное утро.

– Айви! Айви! – Дёргаюсь от полного паники крика где-то очень близко. Мой незнакомец отрывается от моих губ и недоумённо поворачивает голову. Шуршание гравия и звук работающего мотора машины приближаются.

– Чёрт, это мой брат. Он до сих пор считает, что мне пять

лет. И лучше, чтобы он тебя не видел, – кривлюсь я и отталкиваю от себя мужчину. Он перекатывается на спину, но хватается меня за руку. Его пальцы настолько холодные, что у меня стынет кровь. Даже передёргивает от этого. Видимо, его сердце работает сегодня на износ. Он очень взволнован, даже напуган, раз температура его тела опускается всё ниже и ниже.

– Ты останешься, Айви? Ты же не заставишь меня караулить тебя у дома, а потом лечь на дорогу, чтобы не дать автобусу ехать дальше? – Прищуривается он.

– Хм, это слишком драматично для меня, но довольно мило, поэтому не будем разрушать психику пассажиров...

– Айви! Чёрт возьми! Айви! – Орёт брат.

– Мне нужно идти, – шепча, выдёргиваю свою руку из его, но он хватается меня за талию, и я падаю на его тело. Его губы впиваются в мои и мне так хочется остаться с ним. Лежать так всю ночь и болтать, а мне необходимо уходить.

– Я буду ждать тебя. Всегда. Ты знаешь, где меня найти, Айви, – быстро шепчет он, отпуская меня.

– Надеюсь, что Пэнзи снова что-то забудет, – бормочу я, поднимаясь на ноги.

– Даже без этого. Приходи ко мне, я устрою тебе экскурсию по дому, – подмигивая, он приподнимается на локтях.

– А нас за это не арестуют?

– Нет. Доверься мне.

– Тогда я приду. Завтра. Пока, – машу ему и бегу к дороге.

– До встречи, малышка!

Оборачиваюсь, счастливо улыбаясь и надеясь снова увидеть его, но его нет. Из-за высокой травы его не видно, а слова до сих пор крутятся в голове, согревая надеждой на новую встречу.

Господи, это безумие. Это просто невероятно. Но мне так понравилось с ним всё. Мы словно родственные души. Сломанные души и у каждого свои раны, но они болят меньше, когда мы рядом. По крайней мере, у меня.

Вылетаю на дорогу и свет фар бьёт по моему лицу. Брат выскакивает из машины.

– Не начинай. Мне двадцать пять, и я гуляла. Не утрируй, Пэнзи, со мной всё хорошо и не стоило орать на всю округу, – резко отчитывая его, поднимаю руки вверх.

– Я волновался! Ты не вернулась домой, а это для тебя новое место! Господи, я буду орать! Я буду...

– Давай, ты сделаешь это по пути домой, идёт? Я слишком устала, чтобы спорить здесь, – перебивая его, последний раз оглядываюсь, но не вижу своего прекрасного и чувственного незнакомца.

На моих губах всё же играет улыбка, когда я отмахиваюсь от брата и его недовольства моим поведением, и сажусь в машину.

Да, у меня точно появилась причина, чтобы задержаться здесь.

Глава 12

– Расскажешь мне, где ты на самом деле была, Айви? – Поднимаю взгляд от утреннего пейзажа за окном кухни и оборачиваюсь к брату.

– Я же сказала, что гуляла. Потом лежала на траве и думала. У меня было над чем подумать, – равнодушно пожимаю плечами и подхожу к плите, чтобы положить ему завтрак.

Вчерашний разговор так и не начался, потому что Пэнзи кричал на меня, его всего трясло от страха за мою жизнь, а я всё ещё пребывала в эйфории от поцелуев со своим незнакомцем. Мне было абсолютно всё равно. Я научилась абстрагироваться от источников шума и делать то, что должна. С детьми это отличный навык, ведь они зачастую всегда громкие. Так и вчера. Я молча поднялась к себе, захватив свою сумку, и легла спать. И я спала. Хорошо спала. Превосходно на самом деле. Так прекрасно я не спала очень давно и по собственному желанию не вставала в шесть утра, наполненная энергией и ожиданием от встречи с моим незнакомцем.

– Айви, чёрт возьми, ты меня абсолютно не слушаешь, – брат дёргает меня за руку, и я недоумённо моргаю, а потом только понимаю, что стучу по пустой сковородке ложечкой вместо того, чтобы передать Пэнзи тарелку с яичницей и беконом.

– Нет, я тебя не слушаю. Я не хочу спорить с тобой и нотации читать мне ни к чему. Я взрослый человек и умею отвечать за свои поступки, – спокойно отвечая, обхожу его и ставлю на стол тарелку с завтраком.

– Но это опасно, – возмущается он.

– Опасно? Не смей меня. В этом городе нет ничего опасного, здесь все друг друга знают. Или появился какой-то маньяк за последние сутки? – Бросаю на брата насмешливый взгляд. Он выпускает воздух сквозь ноздри и плюхается на стул, не желая принимать поражение в этом споре.

– Послушай, Пэнзи, со мной всё будет хорошо. Я всего лишь гуляла, слышишь? Гуляла и мне не нужна нянька. Почему ты настолько зол на меня? – Удивляюсь я.

– Потому что... потому что я твой брат. Я должен злиться на тебя из-за того, что ты не вернулась домой вовремя, – меня пробирает смех и я хохочу, откидывая голову назад.

– Хватит, Айви. Перестань, – обиженно он надувает губы, как мальчишка.

– Но это, правда, смешно. Давай, ты не будешь пытаться делать то, что мог бы делать в прошлом, идёт? Мы выросли. Ты и я. К слову, я давно уже не девственница, поэтому оберегать меня не надо и уж точно бить морды тем, с кем я встречаюсь.

– А ты что, с кем-то уже успела начать встречаться, Айви? – Он сурово сдвигает брови, а я прикусываю язык.

– Гипотетически. Исключительно так, – быстро произно-

шу я.

– Джим тоже ушёл раньше. Ты была с ним?

– Нет. Я была одна. Мне не интересен Джим. Хватит меня с ним сводить и передай это Сью-Сью тоже. Я не заинтересована в твоём друге, – резко отрезаю я.

– Жаль, он хороший мужчина. Очень хороший, – печально вздыхает Пэнзи.

– Не для меня. Поэтому оставим эту тему. Лучше расскажи, какие у тебя планы на сегодня? Она будет здесь весь день? – Интересуюсь я.

– Обычно мама спит до полудня, потом встречается с подругами в соседнем доме, и они пьют чай около двух часов. Затем она возвращается и собирается на работу. В девять она уходит. У меня сегодня снова документация и встреча с родственником семьи Уиллеров. Также нужно проследить за сменой труб и принять работу. Парни обещали сделать всё к вечеру. Как только с этим закончим, то дом снова выставят на продажу. Вроде бы есть покупатели.

– Выходит, мне надо где-то погулять всё это время, пока она будет здесь. Я не хочу с ней говорить, – кривлюсь я. Пэнзи открывает рот, чтобы возразить, но я быстро добавляю: – Почему они так хотят продать этот дом? Он же потрясающий. В нём может жить семья Уиллеров или они тоже верят в сумасшедшую миссис Уиллер? Это странно, потому что Джим говорил, что это бизнес-стратегия и я тоже так думаю.

– Эм... этот дом с историей. И... семья Уиллеров давно живёт за холмом в новой части, а сюда не приезжает, – медленно отвечает брат.

– Почему? Что им здесь не нравится? Если даже они работают там, то терять такую огромную землю и уникальное по своей архитектуре поместье довольно опрометчиво для людей, у которых в глазах горят доллары, – задумчиво смотрю на брата, а он бегает глазами по столу. Прищуриваюсь, наблюдая за ним.

– Так, что ты скрываешь? Ты же не будешь врать мне, как мать, да? – Недовольно спрашиваю его.

– Айви, это старая история и она... нет никаких доказательств, поэтому я не хочу пугать тебя, – мямлит он.

– Чем пугать? – Озадаченно приподнимаю брови.

– Странностями, случившимися в этом доме.

– Ты уже сказал это, поэтому продолжай. Мне интересно. Тем более, раз я собираюсь задержаться здесь, то хочу знать. Может быть, я смогу чем-то помочь, – предлагаю я. В глазах брата появляется радостный блеск, и он улыбается.

– Ты остаёшься?

– Да. Так что говори. Какие странности случались в этом доме?

– Поговаривали, что там живёт призрак.

– Что? Какая глупость, боже, – смеюсь я.

– В общем, миссис Уиллер считала, что видела призрак своего мёртвого мужа. Якобы она спала, и он лежал рядом,

когда она открыла глаза. Она думала, что он пришёл за ней, чтобы отомстить за предательство.

– Какое предательство?

– Она вышла замуж за его старшего брата и забеременела от него.

– Жестоко, – шепчу я, качая головой. – Но она молодец, взяла от жизни всё, чтобы быть обеспеченной. И что дальше? Она увидела призрак своего мужа, который её отчитал?

– Нет. По слухам в доме начали происходить ужасные вещи. Летала посуда, появлялись угрожающие надписи, вроде: «предатели», «я не уйду», – и всё в таком духе. Постоянно что-то случалось, пока там жила эта пара. Миссис Уиллер была беременна, и её новый муж увёз её, потому что она начала сходить с ума. Она кричала, она даже пыталась покончить с собой, чтобы это прекратилось. Они уехали в новую часть города, но шум продолжался. Соседи тоже были в ужасе и начали искать новое место жительства. Мистер Уиллер старший предложил им обменять землю на ту, которая принадлежала ему в новой части города. Слухи распространялись быстро и многие решили перебраться за холм, чтобы быть подальше от призрака. Затем всё стихло. Два года было всё спокойно, а потом опять всё повторилось, когда дом решили продать. Люди просто бежали оттуда. Они боялись приближаться к дому. Таких попыток было ещё семь, но все, как уже понятно, закончились ничем. Дом до сих пор принадлежит семье Уиллеров. С последнего раза, когда в доме

что-то случилось, прошло десять лет и никто уже не верит в то, что это было. Все считают, что это всё было подстроенно. На сегодняшний день есть предложения о покупке этого места, поэтому его снова выставляют на продажу, – Пэнзи замолкает, пока я перевариваю услышанное.

– Хм, всё действительно притянута за уши. Если там такое происходило, то должны были сохраниться в архивах полицейские отчёты, не так ли?

– Да, но их нет. Ничего подобного нет, поэтому мы и считаем это всё слухами и стратегией, чтобы купить по дешёвке землю вокруг дома и продать дома за холмом, – кивает брат.

– А что случилось с миссис Уиллер? Она ещё жива? – Интересноюсь я.

– Да, она ещё жива. Она живёт за холмом, и её старший сын приезжает сюда, чтобы заняться продажей дома. Тот ещё придурок. Высокомерная задница и алкоголик, – кривится с отвращением Пэнзи.

– Ты не жалуешь его, – замечаю я.

– Абсолютно. Этот наглый придурок раньше устраивал дебоши в баре и цеплял всех, кичась своими деньгами. Он ничего сам не заработал, он даже не учился. Его выгнали из школы после девятого класса, но ему было всё равно, ведь он богат. Его дед закрывает глаза на его поступки, ему всё дозволено, как наследнику. За холмом можно узнать куда больше. Он не пропустил ни одной юбки. У него ужасная репутация и он скользкий тип. Очень. Он обманывает лю-

дей, которые хотят что-то купить или арендовать. Несколько раз сдавал нескольким семьям один и тот же дом в одно и то же время. Были скандалы и громкие. Его отстранили от дел, и он пропал на пару лет. Вот снова возвращается сюда, чтобы продемонстрировать, насколько он богат и что может сделать с нами. Никто его не переваривает, – шипит зло Пэнзи.

– Тогда почему ему доверили продажу дома, если с ним никто не хочет вести дела? – Изумляюсь я.

– Потому что дом надо продать, а из семьи Уиллеров и их компании никто не желает браться за это дело. Здесь было много риелторов, но как только они появлялись и показывали дом или же ставили табличку на лужайке о начале продажи, то сразу же что-то случалось в доме. Люди тоже опасаются к нему приближаться, верят в слухи и байки прошлого. Но вот сколько я хожу туда, живу здесь, то ничего такого сам не видел и не наблюдал.

– А это могли быть конкуренты или враги семьи Уиллеров? – Задумчиво предполагаю я.

– Вряд ли. Это они сами сделали, ради денег. Хороших денег. Может быть, таким образом, они хотели привлечь сюда охотников за привидениями и заработать на них. Это одна из моих мыслей по поводу слухов. Ведь кого не привлечёт дом с привидением? Даже обычных туристы могли бы заинтересоваться, – пожимает плечами Пэнзи.

– Да, это логично. Мистику все любят и ищут ей подтвер-

ждение, поэтому ты можешь быть прав. И в данный момент они снова решили продать дом, потому что поняли, что все их труды уже бесполезны. Если что-то и есть, то ты это увидишь и опровергнешь все слухи, не так ли?

– Именно. Это одна из причин, почему я согласился помочь этому придурку продать дом. Хочу убедиться, что мои догадки верны и тогда уже сообщить всем, – кивает брат.

– А говоришь, что город такой спокойный. У вас здесь свой призрак бродит, – смеюсь я.

– Айви, ты же не веришь в это, да? – Неожиданно он хватается меня за руку и так серьёзен, что я вновь хохочу.

– Я разумный человек, Пэнзи. Призраки – сказки для тех, кому жить скучно, а мне точно не скучно. Своих проблем достаточно, чтобы верить в это.

– Хорошо... да, хорошо, я просто так... многие хотят верить, – мямлит брат, отпуская меня.

– Видимо, им просто нечем заняться.

– Ага. Значит, ты не хочешь наладить отношения с мамой? – Переводит он тему, и я мрачнею.

– А это стоит того? Смысл? – Горько усмехаюсь я.

– Я... бы хотел найти причину, чтобы убедить тебя, но не могу. Ни одной. Это твоё решение, и я не в силах влиять на тебя, особенно, после того, что было здесь вчера. Может быть, нужно время?

– Может быть. Не знаю, Пэнзи, что она должна сделать, чтобы я захотела её выслушать. Вероятно, сказать правду

и признаться, что мы ей просто не были нужны.

– Айви, вы всегда были нужны нам, – протестует брат.

– Тебе нужны, в это верю. А ей нет. Она же мать. Как можно быть вдалеке от своего ребёнка так долго? Это ведь странно. Неужели, так считаю только я? – Раздражённо всплещиваю руками.

– Нет, не только ты. Но она, действительно, верила в то, что говорила, Айви.

– То есть она выдумала для себя этот бред и выставила меня кем-то вроде дьявола, который хочет навредить себе? Серьёзно? – Зло цежу я.

– Не дьяволом, но ты же не будешь отрицать, что была немного взбалмошной, – мягко произносит он.

– Потому что я была ребёнком! Ау! Ребёнком, чёрт возьми! Просто ребёнком, за которым она не смотрела, а только работала. Вот скажи, когда у тебя появятся дети, ты будешь их отпускать одних носиться по городу?

– Нет, конечно, пока они не вырастут.

– И я об этом. Мне сколько было? Четыре? Три? Пять? Это слишком маленький возраст, чтобы отвечать за свои поступки и быть ответственной. Для этого есть родители, а их не было рядом со мной. Это был мой протест, понимаешь? Требование любить меня, а не отмахиваться и сбегивать на тебя. Отсюда и вымышленные друзья, в которых я не верю. Да и, вообще, в эту историю не верю. Не забывай, кем я работаю. Я точно знаю, что подобные психологические от-

клонения не лечатся сменой места жительства. А, по её словам, они пропали, как только мы переехали с отцом. Это бред. Полный бред, – мотаю так резко головой, что даже тошнить начинает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.